Каменев

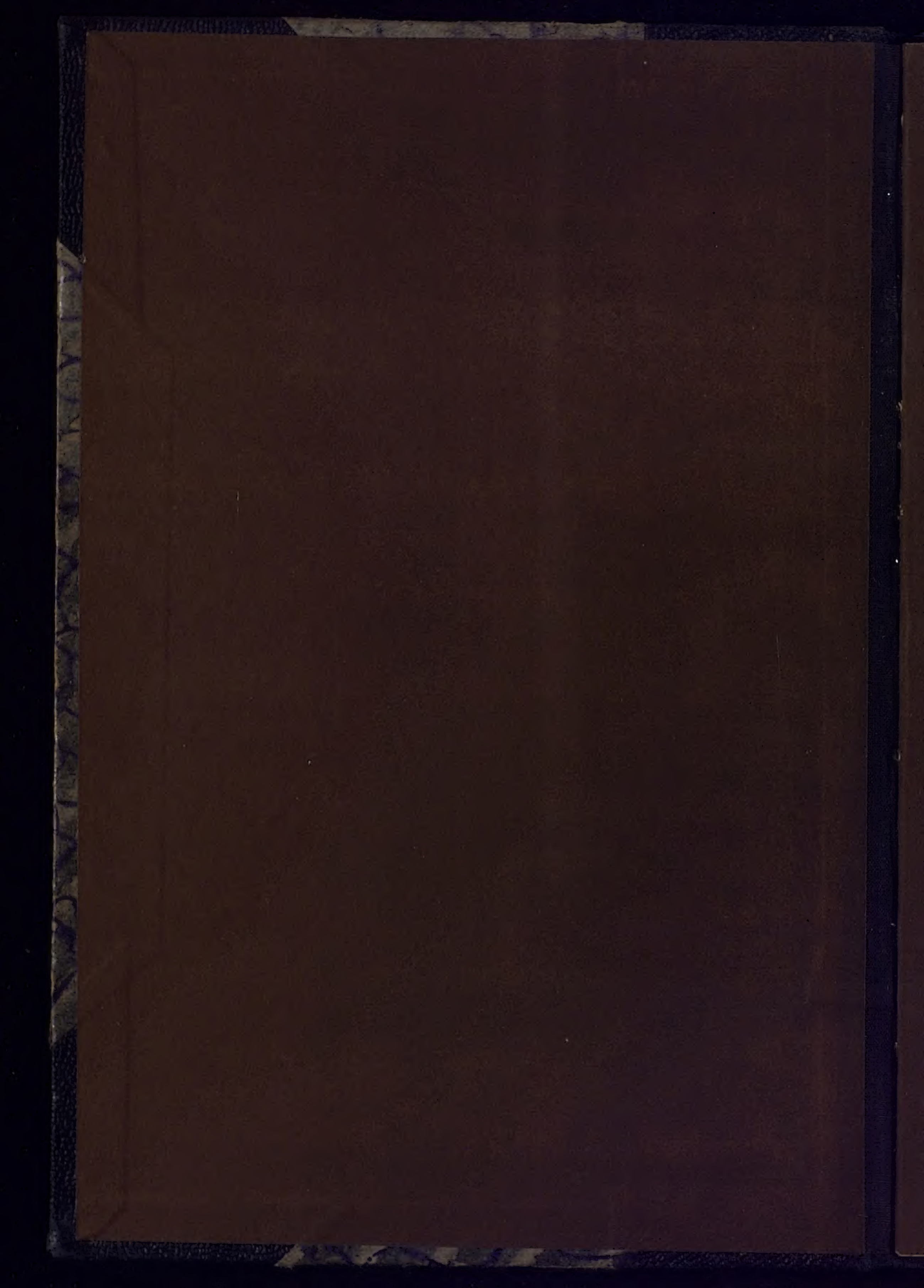
РЕЧЬ

на

XIV съезде

РКП(б)

Л. КАМЕНЕВ

РЕЧЬ НА XIV СЪЕЗДЕ РКП (б)

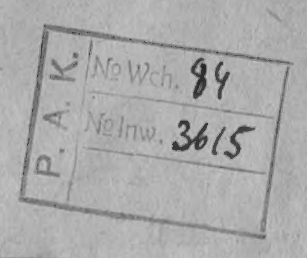

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

Л. КАМЕНЕВ

РЕЧЬ НА XIV СЪЕЗДЕ
РКП(б)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 50299. Гиз. № 15874. Тираж 100.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

Товарищи, прежде чем перейти к основному вопросу, которому я хочу посвятить свою речь, я хотел бы сделать два предварительных замечания.

1. О мелких вопросах и о том, как надо изучать серьезные разногласия.

Первое касается вот чего. Дискуссия у нас продолжается всего только пару недель, между тем уже сейчас к основным вопросам, занимающим партию, припутался целый ряд вопросов второстепенных, — к спору по основной принципиальной линии пытаются прицепить вещи, имеющие сравнительно малое значение. Поэтому я заранее говорю, что в своей речи я не буду касаться ряда второстепенных соображений, я не буду пытаться оспаривать заявления товарища Угланова, что мы с т. Зиновьевым что-то ему нашептывали; не буду оспаривать соображения т. Кагановича о том, что я, как председатель СТО, и т. Сокольников, как наркомфин, стоящие близко к советской кассе, могли на практике помочь бедноте; я не буду касаться вопроса о том, есть ли у нас удельно-феодальный строй и вотчины; не буду касаться вопроса о том, принадлежит ли к большевистским орудиям политической борьбы метод опорочивания отдельных товарищей. Итак, я знаю, что если та борьба, которая начата здесь, на съезде, будет перенесена на более широкую арену, то эти методы со стороны известной части наших идейных противников, вероятно, будут использованы очень широко. (Г о л о с: „Ленинградская Правда“ вынесла уже, она вынесла больше, почитайте, что там написано“.)

Товарищи, если даже т. Бухарин в речи, которую он хотел сделать принципиально политической, счел необходимым повторить прием, знакомый партии, — прием напоминания о наших октябрьских ошибках... (Г о л о с: „Зиновьев первый начал“.) Давайте договоримся:

если у вас есть поручения перебивать меня, то вы так и скажите. (Голос: „Никто никакого поручения не давал, у нас своя голова есть".) Так вот, мы предчувствуем, конечно, что если Николай Иванович встал на этот путь, то в дальнейшем эти темы и эти методы, вероятно, будут разработаны очень широко. Ну что же, шкуры у нас дубленые (голос: „Не особенно!"), в драке мы не первый раз, и если это будет продолжаться, то мы найдем возможность и отвечать, но пока здесь, на съезде, есть возможность удержаться на чисто принципиальных вопросах, мы употребим все усилия на то, чтобы на этой почве остаться.

В своей речи я не буду прибегать к цитатам из Владимира Ильича, кроме двух случаев, и одну цитату я приведу сейчас же для того, чтобы это послужило предпосылкой ко всем ответам на всякие слухи и сплетни, которые осложняют принципиальную борьбу. В последнем кризисе партии, разразившемся при Владимире Ильиче, в котором он принимал участие, когда он говорил о том, что партию лихорадит, что партия больна, он говорил и о том, как излечить эту лихорадку. Это место я только и прочту. Ленин говорит:

„Что надо делать, чтобы достигнуть быстрейшего и вернейшего излечения? Надо, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей честностью принялись изучать, вопервых, сущность разногласий и, во-вторых, развитие партийной борьбы. Необходимо и то и другое, ибо сущность разногласий развертывается, разъясняется, конкретизируется (а сплошь и рядом и видоизменяется) в ходе борьбы, которая, проходя разные этапы, показывает нам всегда, на каждом этапе, неодинаковый состав и число борющихся, неодинаковые позиции их в борьбе и т. д. Надо изучать. То и другое обязательно требует точнейших документов, напечатанных, доступных проверке со всех сторон. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого махают рукой". (В. И. Ленин, т. XVIII, стр. 27.)

2. О дисциплине.

Теперь, товарищи, второе замечание. Это замечание относится к крикам о дисциплине. Я думаю, что сейчас эти напоминания о дисциплине несвоевременны. Мы на съезде, идет борьба мнений, момент чрезвычайно тяжелый, решений еще нет, и поэтому в момент борьбы мнений, в момент, когда сопоставляются различные точки зрения, кричать о дисциплине — это значит по-

пытаться заткнуть рот тому, с кем вы не согласны. Будет момент, когда вопрос о дисциплине будет поставлен и должен быть поставлен, но сейчас, пока идет обсуждение вопросов, никакие крики о дисциплине не помешают нам сказать все, что мы думаем об общей линии партии.

3. Почему мы выступаем.

Итак, товарищи, первый вопрос — почему мы выступаем. Мы выступаем потому, что, по нашему глубочайшему убеждению, в партии начинает складываться теория, которую мы находим принципиально неправильной и направляющей партию по неправильному пути. Вы нас перестали бы окончательно уважать, если бы в этот момент, будучи в этом убеждены, мы не выступили перед вами. Я считал бы себя изменником памяти Владимира Ильича, если бы, редактируя собрание сочинений Ильича по вашему поручению, следя за тем, чтобы ни одна запятая в этом собрании сочинений не была искажена, я понимал бы свою роль таким образом, что это делается для того, чтобы выпущенную книжку поставить на полку, а в практике партийной жизни не применять того, как я понимаю эти сочинения.

Мы глубочайшим образом убеждены, что складывающаяся в партии теория, школа, линия, не находившая до сих пор и не находящая теперь достаточного отпора, гибельна для партии, и поэтому наш долг заключается в том, чтобы предупредить партию. Вы можете нас за это обругать, можете наказать; можете за это открыть по нас огонь, можете сказать, что мы—очень плохие люди, но это не остановит нас перед тем, чтобы сказать, в чем, по-нашему, заключается та ошибка, на которую партию пытаются толкнуть, чтобы сказать, кто пытается партию на этот неправильный путь толкнуть. Вот почему мы выступаем.

4. Почему мы выступаем на съезде.

Вы можете спросить: почему вы выступаете на съезде, почему вы не выступали раньше (голос с места: „С содокладом!") и почему вы выступаете с содокладом? Потому, товарищи, мы выступаем на съезде, что нам мешали и запрещали выступать до сих пор. (Голос с места: „И хорошо".) Тут у нас опять-таки различ-

ные мнения, — что хорошо и что плохо в большевистской партии. Я считаю, что очень плохо, что партию поставили в такое положение, когда правильное или неправильное наше мнение не могло быть высказано и обсуждено партией до съезда. У нас XIV съезд. Я был на одиннадцати из этих съездов, с нами солидарны товарищи, которые были на тринадцати из этих четырнадцати съездов. Я уверяю вас, что это первый съезд, на котором вопросы настолько серьезные, как существование в нашей партии течения пораженцев, течения ликвидаторов, течения аксельродовцев, встают перед партией только в самый момент съезда. Я уверяю вас, что никогда в партии не было такого положения, чтобы съезд должен был решать подобной важности вопросы прежде, чем вся партия была бы об этом осведомлена и обсудила бы эти вопросы. Нельзя отрицать правильности этого факта. (Голос с места: „Нечего обсуждать".) Вот, если товарищи думают, что факт существования пораженчества в партии, факт существования ликвидаторства в коммунистической партии, существования аксельродовщины в нашей среде не стоит даже обсуждать, что можно просто поверить, что такие течения есть, что это касается только тех, которые сидят в этом зале, а не делегатов тех окружных, районных, губернских и городских конференций, которые 3 — 4 недели назад обсуждали общее положение партии и готовились к съезду и ничего этого не знали и не слышали, — если товарищи придерживаются того мнения, что происходящее здесь не касается всей партии в целом, то позвольте вам сказать, что вы глубоко ошибаетесь: мы так партию никогда не вели.

Я спрашиваю, товарищи: сколько здесь, в этом зале, товарищей, ответственнейших товарищей, которые 3 недели назад знали: что у нас в партии есть ликвидаторское течение? Я спрашиваю, на скольких конференциях обсуждался вопрос об аксельродовщине? Сколько членов партии, которые уполномочили вас решать судьбы партии и страны, знают об аксельродовщине и обсуждали в своих ячейках? Нет таких товарищей. И что бы вы ни говорили, этот факт не вырвать из партийного сознания. Съезд поставлен перед необходимостью обсуждать вопрос, выносить ответственнейшие решения по пунктам, о которых партия не знает и которые не докладывались на конференциях, о которых члены ЦК не имели поручения при разъездах на места доложить и осведомить партию. Тов. Микоян указывал, что мы вместе с ним проводили немаловажную северо-кавказскую конференцию. Я спрашиваю: вот я, как докладчик ЦК, едучи

на эту конференцию, или Сокольников, едучи на казанскую конференцию, имели ли мы поручение от ЦК довести до сведения партии, что вот, товарищи, есть у нас пораженчество, ликвидаторство, аксельродовщина, что мы должны по этому поводу высказаться и обсудить? Имел ли я или т. Микоян представление о том, что на съезде эти вопросы встанут? Я утверждаю, что ни я, ни Микоян не имели этого представления. (Голоса с мест: „А для чего поставили? По вашей вине поставили. Почему Зиновьев поставил?". Моисеенко с места: „Потому не поставили, что вам там не светит".) А нам очень светит здесь? Нет! А мы ставим. Следовательно, дорогой товарищ, не знаю, когда вы ставите вопрос, а мы ставим—и когда светит, и когда не светит. Мы ставим тогда, когда мы считаем, что мы правы.

Я считаю это положение глубочайшей ненормальностью, и сколько бы товарищи ни прерывали меня, всякий ответственный работник скажет, что положение, когда съезд не знает, будучи в поезде, о подобного рода вопросах, когда съезд вынужден выносить решение по вопросам без предварительного их обсуждения на тех собраниях, которые выбирали делегатов съезда,—это глубочайше ненормальное положение. И что же, товарищи, вы считаете, мы совсем не понимаем, когда нам светит и когда не светит? Что же, вы думаете, мы считаем самой благоприятной обстановкой для защиты нашего мнения ту обстановку, когда мы представляем маленькое меньшинство на съезде? Что же, вы считаете, что мы очень стремились к тому, чтобы, не сказав партии о наших разногласиях ни единого слова, притти на съезд, на котором у нас обеспеченное меньшинство, и попытаться здесь вас переубедить? Что же, вы считаете, что мы такую стратегию вели? Этому никто не поверит!

Ведь вы же понимаете очень хорошо, что мы должны были бы стремиться к тому, чтобы эти вопросы были освещены до партийного съезда, чтобы делегаты, приехавшие на съезд, знали эти вопросы раньше. Если мы находимся в таком положении, явно невыгодном для нас, то это есть результат действий не наших, а есть результат действий большинства, а не меньшинства, ибо для меньшинства нельзя создать более неблагоприятной обстановки, чем та, которая создана. И разве вы сомневаетесь в том,—как бы вы нас ни считали ошибающимися,—что если бы два месяца назад вопросы эти были поставлены, если бы нам было позволено их поставить... (Голос с места: „То вы и меньшинство потеряли бы, уверяю вас".) А я утверждаю, что вопрос о боль-

шинстве и меньшинстве был бы решен иначе, чем он решается сейчас (Шум).

Товарищи, у нас в партии идейные споры решаются после борьбы, а не до борьбы. Так, по крайней мере, было всегда. И поэтому, сколько бы вы ни кричали — те товарищи, которые еще до обсуждения вопроса составили себе крепкое мнение, — я абсолютно уверен, что большинство партии и ее членов имеют право потребовать, чтобы вопросы серьезнейшие, поставленные здесь перед съездом, были предварительно доведены до их сведения и предварительно обсуждены в том порядке, к которому мы привыкли и который предусмотрен партийным уставом. (Голос с места. Что же, вы предлагаете съезд распустить, что ли?) (На местах шум.) Товарищи, до тех пор, пока я стою на этой трибуне, вы меня не заставите замолчать, как бы громко ни кричала кучка товарищей. (Голос с места. Мы регламент увеличим.) А я попрошу увеличения регламента для т. Радченко и т. Моисеенко, и чтобы нам считали время вместе, потому что они говорят со мной вместе. (Голос с места. Радченко возмутительно ведет себя. Мы протестуем.) Итак, товарищи, я утверждаю, что подобной обстановки для обсуждения принципиальных вопросов у нас в партии никогда еще не было. Я утверждаю, что наше выступление вынуждено, потому что нам не давали выступать раньше. (Голос с места. Это мы слышали.) Послушайте еще раз, товарищи. Я утверждаю, что ответственность за подобную обстановку лежит на большинстве, а не на меньшинстве. Я утверждаю, что тов. Петровский, который здесь сожалел о том, что нам пришлось выступить с содокладом, поступил бы гораздо правильнее и гораздо более в духе большевистской партии, если бы он выступил здесь на трибуне и сказал: Товарищи, у нас есть ряд резолюций, тезисов, опубликованных за месяц до съезда; эти тезисы приняты единогласно, они обсуждены партией, и мы можем их обсуждать, но есть вопросы, о которых партия не осведомлена, по поводу которых партия не дискутировала, а которые свалились на партию, как снег на голову. Это — вопросы о новом течении — о пораженчестве, об аксельродовщине, и поэтому правильней бы сказал т. Петровский, если бы признал, что эти вопросы должны быть предварительно обсуждены партией. Но ни тов. Петровский, ни те товарищи, которые так усиленно кричат, конечно, по этому настоящему большевистскому пути итти не пожелают. Они предпочтут отговориться от этого криками о скандале, содокладе и т. п.! А что,

тов. Петровский, вы хотели бы, чтобы мы, молчавшие по вашему приказанию в продолжение нескольких месяцев, чтобы мы продолжали молчать и здесь?

Во время октябрьского пленума ЦК большинство ленинцев сказало: „Не смейте дискутировать“. Большинство ленинцев запретило статьи Крупской и мою. Большинство ленинцев гарантировало совместную подготовку съезда. (Петровский: „Большинство Политбюро“.) И большинство Политбюро свалило на голову съезда обвинение нас в пораженчестве и ликвидаторстве.

Они вели политику, рассчитывая на то, что застанут партию врасплох, вели политику дискредитирования отдельных товарищей, без права для них выступить открыто перед партией и сказать то, что мы думаем. И вы хотели бы, чтобы мы промолчали и здесь? Нет, товарищи. Тогда не жалуйтесь на содоклад, не плачьтесь. (Голоса: „Вы плачетесь“.) Вы вашей политикой заставили нас выступить с содокладом. (Шум. Голоса: „Вы на чувства не ударяйте“.) И мы открыто обвиняем вас в этом. (В зале шум. Звонок председателя).

Я беру, товарищи, ответственность за каждое слово, которое здесь произношу, и я утверждаю, что те, кто запрещал нам выступать и высказываться, которые запрещали нам писать статьи, которые посылали нас на губернские и областные конференции, утверждая, что мы совместно подготовляем съезд, и которые потом обрушили на партию резолюцию столичной организации с ликвидаторством, пораженчеством, аксельродовщиной, — делали это за спиной партии.

Итак, товарищи, мы выступаем, во-первых, потому, что мы в партии видим неправильную линию, мы выступаем на съезде потому, что мы не могли выступить раньше, и что это есть единственная трибуна, с которой мы можем сказать партии то, что мы хотим.

Товарищи, в чем же теперь заключается та теория, та линия, тот неправильный путь, против которого мы протестуем? Я вполне понимаю съезд, когда он с таким нетерпением и горячностью относится к моим обвинениям. Это естественно. Но я надеюсь, что теперь, когда я покончил с неприятными объяснениями относительно того, почему мы выступаем, и кто создал ту обстановку, которая есть на съезде, и перехожу к выяснению того, почему мы считаем ту или иную линию неправильной, я надеюсь, что здесь вы волноваться не будете. Давайте об этом поговорим спокойно. (Голоса: „Правильно!“)

5. Основная, но неправильная линия т.т. Сталина и Бухарина.

Итак, в чем та линия, против которой мы выступаем? Вам надоели и мне надоели все эти цитаты из Богушевского, Слепкова, Бухарина, Голендо и т. п. Я хочу сосредоточить ваше внимание не на них, а на том, какой политический итог можно вывести из этих двух докладов от большинства Центрального Комитета, которые мы здесь с вами слышали вместе: из доклада т. Сталина и из доклада, который хотел быть принципиальным, но который был обвинительным актом против меня, Зиновьева и ленинградцев, — из доклада тов. Бухарина. (Голоса: „Это не доклад".) Вы хотите, чтобы я назвал это речью,—хорошо, речь. Но вы помните, что сам тов. Бухарин ошибся и сказал, что это доклад.

Председательствующий. Товарищи, я прошу большинство съезда предоставить большее спокойствие т. Каменеву в его речи, чем это было сделано даже по отношению к тов. Бухарину со стороны оппозиции. (Голоса: „Правильно!")

Каменев. В докладе тов. Сталина есть одно действительно ударное политическое место, то место, которое дает действительно политическую директиву, а не только информацию о положении, не только сводку фактических данных. И мне кажется, это — центральное место политической части доклада тов. Сталина, это именно то место, в котором он сказал, куда должен быть направлен огонь.

Не правда ли, вы со мной согласитесь? Собравшись на съезде, определяя будущую политику, выслушивая доклад Центрального Комитета, мы именно хотим узнать, куда должен быть направлен большевистский огонь. И ответ был дан краткий, но точный. Было сказано: сосредоточенный огонь должен быть направлен против определенного уклона. Это центральное политическое место доклада. И это, товарищи, на мой взгляд, абсолютно неправильное место. (Моисеенко: „Понятно!") Конечно, понятно. Потому что, если бы я считал, что т. Сталин прав в определении направления огня, то я бы здесь не выступал.

Вопрос о направлении огня сейчас есть вопрос о судьбах нашей революции, и поэтому мы должны взвесить, правильно или неправильно указано направление сосредоточенного большевистского огня. Мы во многом согласны с т. Сталиным, согласны и в том, что сосредоточенный огонь,— конечно, в данном случае идейный,— есть правильный метод решения большевистских задач. Весь вопрос заключается в том, чтобы

выбрать правильное направление этого огня. В указании этого направления — политический центр доклада т. Сталина.

Каков политический центр речи т. Бухарина?

Если отжать от этой речи все литераторские украшения и остроумнейшие соображения о разных вещах и оставить действительный политический центр этой речи, в чем же она заключается? В обвинении нас в том, что мы ведем политику на срыв нэпа, в указании на то, что центром политического момента, главной опасностью является то, что появилось течение в партии, с нами и с т. Зиновьевым вместе, политика которого направлена на срыв нэпа. Вы не станете отрицать, товарищи, что политический центр, основная мысль его речи сводилась именно к этому. Ведь тов. Бухарин сам сказал, что основная линия в настоящий момент: это — ликвидация военного коммунизма. И вот перед нами стоит вопрос: действительно ли это так, действительно ли партия должна быть ориентирована в том направлении, что главная опасность, которая перед нами стоит, заключается именно в рецидиве военного коммунизма, а посему центральный огонь должен быть направлен на политику, направленную к срыву нэпа?

Я повторяю: по-моему, это—неправильная перспектива и искажение линии партии. Это есть неожиданно яркое и точное увенчание всей той линии, против которой мы протестовали в недрах руководящих ленинцев, в недрах Центрального Комитета, до тех пор, покуда была надежда, что можно удержать наш протест против этой линии и против этого направления огня в пределах Центрального Комитета, в пределах руководящей группы ленинцев. Но если оказывается, что нельзя удержать спор о направлении огня и о центральном опасном пункте нынешнего момента в этих пределах, если оказывается, что вся партия поставлена перед необходимостью сказать, где правильное направление огня, то мы принуждены перенести наше предупреждение из состава ленинской руководящей группы на съезд партии и на суждение всех членов партии.

Тов. Сталин в своем докладе сказал: „Вот почему я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном“. В чем же, по мнению партии, заключается этот второй уклон? О каком уклоне идет здесь речь? Я беру постановление октябрьского пленума ЦК, в котором дана точная характеристика этих уклонов. В нем сказано: „В связи с этим создастся опасность искажения

линии в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа, как необходимого этапа к социализму".

6. Куда должен быть направлен огонь?

Итак, товарищи, Центральный Комитет единогласно, и с нашим активным участием в том числе, установил эти две опасности: недооценку отрицательных сторон нэпа и непонимание значения нэпа. Мы признаем совместно, что решительная борьба должна вестись с обоими этими уклонами. Тов. Сталин (не знаю, откровенно говоря, по чьему поручению) выходит здесь перед съездом и говорит: нет, сосредоточенный огонь должен быть открыт против одного уклона. И какого? Против непонимания значения нэпа!

Итак, товарищи, перед нами два уклона: один—недооценка отрицательных сторон нэпа, другой — непонимание значения нэпа. Поставим вопрос: какие явления действительно при данных классовых отношениях в стране выдвигают на первый план тот или другой уклон, что́ действительно представляет опасность: искажение линии нашей партии недооценкой отрицательных сторон нэпа, или искажение этой линии непониманием необходимости нэпа? Я до сих пор думал, что партия в главной своей массе, кроме Богушевских, Слепковых и других, единодушна в том, что опасность для социалистического строительства заключается именно в недооценке отрицательных сторон нэпа, но не в том, необходим или не необходим нэп.

В самом деле, товарищи, отдайте себе отчет, задумайтесь на минутку: можно ли сказать именно в 1925 году, после того, как нэп проводится нами 5 лет, после того, как нэп дал те плоды, которые мы ощущаем руками, можно ли сказать сегодня, что главная опасность для партии заключается в том, что кто-то не понимает значения нэпа, и что сосредоточенный огонь должен быть направлен против них?

Ведь это же искажение перспективы! Ведь разве вы можете привести мало-мальски значительный документ, можете назвать мало-мальски значительную группу, мало-мальски оформленное течение в партии, которое в 1925 году не понимало бы значения нэпа, как необходимого этапа? Разве серьезно можно говорить о том, что в партии есть группа, против которой должен быть со-

средоточен огонь, которая предлагает пересмотреть вопрос о нэпе, как необходимом этапе к социализму? (Моисеенко с места: „В 1925 году забывают середняка".)

Дойдем и до середняка, получите полное удовольствие, середняк будет преподнесен полностью. (Смех.)

Теперь, товарищи, подойдем к вопросу с другой стороны: ну, а опасность недооценки отрицательных сторон нэпа, а путаница насчет того, насколько сильны в нэпе капиталистические элементы, — этот уклон есть у нас? Это течение получило какое-нибудь отражение в нашей литературе, в наших лозунгах, в нашей пропаганде? Я утверждаю, что — да, получило. Если в 1925 году есть какое-либо более или менее оформленное течение в партии, представляющее искажение подлинной линии партии, то это именно то течение, которое прикрашивает отрицательные стороны нэпа, которое смазывает различие между тем путем, которым мы идем к социализму в виде нэпа, и социализмом, которое прикрашивает нэп, которое смазывает трудности, вырастающие из капиталистических ростков, которые в нэпе есть и которые нэпом, т.-е. нами, узаконены. Вот та перспектива, которая рисуется мне, и я должен сказать, что до сих пор я был абсолютно уверен, что партия здесь в основном единодушна, и что она понимает, что сосредоточенный большевистский идейный огонь должен быть направлен против тех, которые прикрашивают нэп, а не против тех, которые якобы не понимают значения нэпа.

Что же мы видим в действительности? Тов. Бухарин, дополняя — теперь это ясно, — дополняя тов. Сталина, говорит нам, что главная опасность в том, что есть политика срыва нэпа, а мы утверждаем, что опасность в прикрашивании нэпа.

Вот эти две линии и должны быть взвешены партией.

Что же в действительности мы имеем налицо: срыв нэпа или прикрашивание нэпа? Против кого должен быть направлен огонь: против тех, которые в 1925 г. срывают нэп, или против тех, которые в 1925 г. прикрашивают нэп?

Наше убеждение заключается в том, что вся социальная обстановка, все соотношение классов в нашей стране, вся международная обстановка поддерживают и питают корни того течения, которое склонно прикрашивать нэп, а не срывать. Если бы международная обстановка была чревата немедленной революцией, если бы актив-

ность рабочего класса была направлена против той внешности нэпа, которая сейчас характеризуется витринами, магазинами и т. д., о которых упоминал т. Бухарин, тогда можно было бы сказать: вы видите, из земли, из соотношения классов, из международной обстановки растет политика срыва нэпа, непонимание необходимости свободы торговли и т. д. Не в книжках, не в резолюциях, а в соотношении классов, в международной обстановке есть элементы, которые теперь, в 1925 г., могут поднять бурю на лозунге — долой нэп? Сейчас в нашей действительности есть что-либо подобное?

7. Срыв нэпа или прикрашивание нэпа?

Тов. Бухарин обвиняет нас в том, что мы хотим сорвать нэп. Допустим. Но куда же мы хотим повернуть? К военному коммунизму. Пустяки это. Есть течение в наших рядах, которое мечтало бы о срыве нэпа и восстановлении отношений военного коммунизма? Я утверждаю, что это совершенные пустяки, неправильная ориентировка, искажение перспективы.

В чем действительная опасность? В том, что при затяжке мировой революции, при стабилизационных настроениях извне и внутри, при богатеющей — очень слабо еще, к сожалению, только начинающей богатеть — стране, при том мелкобуржуазном окружении, в котором живет рабочий класс, растут неизбежно элементы прикрашивания нэпа. Именно эта тенденция действительно растет из всей обстановки, из всего соотношения сил. Тот, кто этого не видит, тот не видит ничего.

Неужели же вы думаете, что ленинская большевистская партия не увидит этого? Я абсолютно уверен, что она это увидит. Если она не захочет этого констатировать на этом съезде так, как это диктуется классовым соотношением, международной обстановкой, вы это констатируете через полгода, а если не через полгода, то через 9 месяцев, через год. И вы тогда скажете, что опасность не в том, что коммунизм военного образца, коммунизм, желающий прекратить нэп, поднял голову и требует сосредоточенного огня,— вы скажете: новое — в стабилизационных настроениях, в росте капиталистических отношений — в деревне, нэпманства — в городе. Мы все согласны, что этот рост имеется, мы расходимся в оценке размеров этого роста, но тогда вы скажете, что это есть опасность, которая может влиять на нашу партию в смысле искажения ее перспективы, что это есть та реальная трудность, которую нам прихо-

дится преодолевать для нашего социалистического строительства, а не рост настроений в сторону военного коммунизма.

Что же, в нашей практической работе у каждого на своем месте—в хозяйственной, политической, просветительной работе — с чем нам приходится бороться? Разве нам, которые поставлены блюсти хозяйство, разве нам приходится преодолевать сопротивление анархических, лодырнических, „иждивенческих“ элементов, — я на этом еще остановлюсь,—или мы должны преодолевать то сопротивление, которое идет не из люмпен-пролетарских элементов, а из элементов растущего кулачества? Мы должны преодолевать растущие на почве люмпен-пролетарства, лодырничества, „иждивенчества“ анархические течения? Это мы должны преодолевать? Что же, в своей просветительной работе, политико-воспитательной работе нам приходится просвещать рабочих и ту массу крестьянства, которая к нам примыкает, главным образом, борясь против вот этих элементов, против проникновения в идеологию партии элементов анархизма, военного коммунизма и т. д.? Или наоборот, товарищи? Мы должны делать и то и другое, а не сосредоточивать огонь на одном уклоне.

Вот, товарищи, в этом есть основное расхождение. Я должен сказать,—и я говорю здесь перед всей партией до конца и откровенно,—если бы т. Сталин не дал этой политической директивы, я должен был бы сказать здесь на съезде то, что я говорил и т. Сталину и другим моим товарищам по Центральному Комитету и по руководящему ленинскому коллективу. Я говорил вот что. Тов. Сталин несогласен по существу с той линией, которая оформляется в школе Бухарина, в молодежи, которую воспитывает Бухарин, и которая представляла бы для нас величину, мало интересную с точки зрения общепартийных интересов, если бы молодежь тов. Бухарина не получила фактически монополии на политическо-литературное представительство партии, если бы фактически в руках этой школы не находилась вся наша печать и вся политико-просветительная работа. Я тогда говорил т. Сталину: не похоже на то, чтобы ты был согласен с этим, я не могу допустить этого.

Но когда т. Сталин выходит и делает из своего доклада вот этот политически-директивный вывод: огонь по этой стороне, — я тогда должен сказать, что я ошибался. **Видимо, внутреннее согласие т. Сталина с этой политической линией, с этой перспективой, с этой, вырастающей отсюда, тактикой направления огня,—видимо, гораздо боль**

ше, чем я мог предполагать. Я т. Сталина упрекал на ряде совещаний, я повторяю это перед съездом: ты вряд ли согласен с этой линией, но ты ее прикрываешь, и в этом твоя ошибка, как руководителя партии; ты твердый человек, но ты не даешь партии твердо отвергнуть эту линию, которую большинство партии считает неправильной. Я говорил т. Сталину: если лозунг „обогащайтесь“ мог гулять в течение полугодия по нашей партии, то кто в этом виноват? Виноват т. Сталин. Я спрашивал его: ты согласен с этим лозунгом? — Нет, не согласен. Почему же ты мешаешь партии ясно и точно отвергнуть этот лозунг? Теперь я вижу, товарищи, что т. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии (смех), творцом и подлинным представителем которой является т. Бухарин.

Итак, я спрашиваю себя и вас: что же, есть ли у нас действительно опасность срыва нэпа или опасность прикрашивания нэпа? В чем мы обвиняем ту линию, которая получила отражение в этих двух тезисах т.т. Сталина и Бухарина, которые теперь должны быть рассматриваемы как единые?

8. Как прикрашивают нэп.

Мы упрекаем в том, что эта линия забывает, что всякое оживление и расширение нэпа есть оживление не только социалистических элементов нашего хозяйства, но в то же время расширение и оживление капиталистических элементов. (Голос: „Дважды два — четыре“.) Дважды два — четыре, но я несколько раз должен буду говорить о том, что было еще очень недавно „дважды два — четыре“ для ленинцев, и что подвергнуто теперь сомнению школой тов. Бухарина. (Голос: „Ничего подобного“.) Тем, что вы будете говорить „ничего подобного“, вы не опровергнете слов т. Ленина, которые я вначале прочел, о том, что надо судить по документам, и не опровергнете существования политических документов, построенных на оспариваемой нами линии, на укрывательстве того, что оживление нэпа есть оживление капитализма. (Голос: „Это ясно“.) Это ясно, надеюсь, для партии, это неясно для ближайших сотрудников нашего центрального органа „Правда“, которые безвозбранно имеют возможность развивать эти взгляды и в таком направлении информировать партию. Когда вы, товарищи, поможете нам добиться того, чтобы эти сотрудники „Правды“ не информировали в этом виде партию и не направляли ее по этому пути, то между нами не будет никаких разногласий. (Шум.)

Вы согласны? Тогда я не сомневаюсь, что съезд постановит, во-первых, напечатать обе статьи т. Крупской, напечатать статью т. Ломинадзе, который в ответ на статью т. Слепкова указывал именно на этот уклон замазывания капиталистических отношений, и, во-вторых, что съезд вынесет постановление осудить тех, которые запрещали все это печатать. (Шум, голоса: „Ого! Нет! Мы вынесем им одобрение!“ Аплодисменты части зала.)

Итак, товарищи, вы видите, что это не совсем „дважды два“, и что мы не во всем согласны. Так и будем говорить. Мы считаем, что есть элементы новой теории, пересматривающей ленинизм и забывающей, прикрашивающей, умалчивающей о том, что расширение нэпа есть расширение и оживление капиталистических элементов, т.-е. кулачества и нэпманства.

Мы предлагаем поэтому признать, что это есть нарушение партийной азбуки, „дважды два—четыре“ ленинизма, и поэтому предлагаем осудить эту линию. Вы говорите: нет! (Голос: „ЦК постановил“.) При чем тут ЦК? Вы думаете, что ЦК в большинстве своем думает так? Я не думаю. (С места: „При вашем участии даже статьи Ильича не помещались, а вы хотите, чтобы вам разрешили монопольно писать“.)

Итак, товарищи, если мы в чем-либо несогласны, так и запишем. Почему же сердиться и мешать говорить?

Итак, товарищи, вы несогласны? Теперь второе: мы обвиняем эту же самую группу в том, что она неправильно толковала партии вопрос о том, что на XIV партконференции была решена не только ставка на развитие производительных сил деревни, но что там была дана уступка кулацким элементам деревни, которая расширяла неизбежно их значение и их мощь.

Мы считаем, что если мы на XIV партконференции пошли на определенные меры в области аренды и найма рабочей силы, то, признавая это правильным, мы должны ясно сказать: это есть уступка — кому? (Голос: „Середняку“.) Середняку? Это сказал тов. Гибер или тов. Коростелев. Вот, товарищи, в этом-то мы с вами и несогласны.

Ведь в чем беда? Беда заключается в том, что не только Гибер или Коростелев могли ошибиться и сказать, что уступка в области найма рабочей силы и аренды есть уступка середняку, — ведь Бухарин это в своем докладе сказал. Тов. Гибер или Коростелев не являются редакторами центрального органа партии, они не дают общих перспектив партийного развития и общих лозунгов партии, но когда эта ошибка преподносится от имени

большинства ЦК, — а тов. Бухарин говорил от имени большинства, — тогда я говорю: тут есть несогласие, что хотите делайте с нами, но несогласие есть.

Мы утверждаем: тот, кто говорит, что облегчение аренды земли, льготные условия найма рабочей силы есть уступка середняку, тот скрывает действительность и извращает перспективы, потому что на деле мы сделали уступку кулаку. Если вы считаете дальше, что середняк — это тот, кто нанимает рабочую силу, что это тот, кто арендует землю, так у нас, дорогие товарищи, есть расхождение в понимании классовых соотношений в нашей стране. (С места: „Правильно!") Правильно! У нас с вами при этом расхождение в понимании классовых соотношений в стране, и пускай съезд скажет, а мы его решению будем подчиняться, но будем отстаивать свое мнение. Так вот пускай съезд скажет: XIV партийная конференция, установив новые условия найма рабочей силы в деревне и расширив аренду земли, сделала уступку середняку. (С места: „И бедняку".) И бедняку? (Шум. Смех.) Это, товарищи, еще ясней. Это — уступка бедняку, думают товарищи, потому что бедняку, которому приходится подыхать без рабочего скота, это решение дает возможность наняться к кулаку. И вот, если вы считаете, что такое понимание, что мы даем бедняку возможность наниматься к кулаку, а тем самым кулаку эксплоатировать бедняка, что это право, предоставленное нами эксплоатировать бедняка, есть уступка бедняку, я говорю, что это ничего общего не имеет с ленинизмом, ничего общего не имеет с марксизмом. (Аплодисменты.) Если вы в этом пункте сбиты, так я спрашиваю себя: ну, где центральная опасность, — в том ли, что кто-то нэп хочет отменить, или в том, что у самых лучших людей, у самых преданных коммунистов идет незаметно глубочайшая путаница насчет элементов капитализма, что они явную, определенную, совершенно правильную уступку верхушечной части деревни способны изображать для самих себя и для других как уступку бедняку и середняку? Вы поймите, что один такой возглас о том, что облегчение для нанимателей условий найма рабочей силы есть уступка не нанимателю, а бедняку, — один этот возглас, который раздался здесь, на съезде, оправдывает наше выступление, оправдывает даже то, если мы будем кричать на весь свет.

Так вот вы видите, мы нашли и второй пункт разногласий.

Если затушевать, что из оживления нэпа получается оживле-

ние капитализма, если утверждать, что аренда и наем рабочей силы есть уступка середняку и бедняку, тогда надо сказать то, что и говорится, что середняк — не мелкий буржуа. Вы понимаете, тогда получается совершенно ясная картина, получается связь: теория увязывается с практикой, и логика, которой учат в школе, школьная логика здесь целиком проведена.

Поскольку же здесь есть политическая логика, это не есть политическая ленинская логика, это не есть логика пролетарской революции. Конечно, если сказать, что середняцкое хозяйство не есть хозяйство мелкобуржуазного типа, как теперь в „Правде" невозбранно пишут, что середняк не есть мелкий буржуа, когда, кроме капиталистических и социалистических путей развития, красные профессора придумывают еще третий путь — не капиталистический, но и не социалистический путь развития, то мы говорим: это есть такая путаница, которая с политической точки зрения лишь прикрывает нарастание элементов перекрашивания нэпа, нарастание элементов извращения ленинской линии в вопросе о соотношении классов, прикрашивание тех элементов капитализма, которые есть в нэпе. И когда мы это утверждаем, вы хотите отговариваться от этого обвинения указанием на то, что мы — пессимисты, маловеры и т. д. (Смех.) Видимо, для того, чтобы быть подлинным оптимистом, надо сказать, что капиталистические элементы не растут, середняк не есть хозяйствующий мелкий буржуа, наемный труд и аренда есть уступка бедняку и середняку. От такого оптимизма мы отказываемся.

Наш оптимизм другого рода; он заключается в том, чтобы, говоря точно о росте капиталистических элементов, указывать столь же точно на более сильный рост социалистических элементов. Нам не надо утешения в том, чтобы приукрашивать нэп, преуменьшать роль кулака и уговаривать себя, что середняк не буржуа. Поэтому мы не считаем оптимистами тех, которые для того, чтобы успокоить свои нервы, должны обязательно иметь определенный процент середняка. Ну, а если в следующем году их будет на 5% меньше, тогда куда денется этот оптимизм, целиком опирающийся на середняка?

Нас здесь упрекают в забвении середняка, в переоценке кулака и неверии, потому что мы говорим: кулак растет сильнее, чем вы думаете. А им для утешения нужно сказать, что кулака нет Мы считаем это успокоение никому не нужным, политически прямо вредным.

9. О прикрашивании нэпа в городе.

Дальше. Я говорил пока о прикрашивании нэпа в деревне. Но с ним связан и вопрос о прикрашивании нэпа и в городе. Это — спор о госкапитализме и социализме. Я думаю, этот спор далеко не носит отвлеченно-теоретического характера, он затрогивает текущие политические проблемы. И вот из того, что мы слышали по этому вопросу от наших противников, вытекает только одно: им и здесь хочется приукрасить нэп.

Сомневаемся ли мы в том, что наши фабрики являются предприятиями „последовательно-социалистического типа"? Нет! Но мы спрашиваем себя: почему же Владимир Ильич сказал, что наши предприятия являются предприятиями „последовательно-социалистического типа"? Почему он не сказал прямо, что это есть предприятия подлинно-социалистические? В чем тут дело? (Смех.) Вам смешно, но подождите, товарищи, как бы не заплакать.

Что значит предприятия подлинно-социалистического типа? Это значит, что в основном они являются предприятиями социалистическими. В чем основном? В том, что называется отношениями собственности. Фабрики, заводы, предприятия принадлежат пролетарскому государству, т.-е. организованному рабочему классу. В этом отношении они подлинно-социалистического типа. И мы можем сказать и должны сказать рабочему, что, работая на этой фабрике, не дополучая на ней заработной платы, повышая на ней производительность труда, ты работаешь для социализма. И мы считаем, что это есть правда. Это есть правда без прикрашивания.

Но когда вы идете дальше и говорите, что мы должны сказать рабочему не только это, — что ты работаешь, не дополучая заработной платы, для социализма, что, ударяя молотом, ты так же теперь работаешь на своих фабриках для социализма, как тогда, когда ты наводил ружье на полях сражения против белогвардейцев, — но когда вы хотите добавить, — а это хотят добавить, — что ты работаешь на этой фабрике в социалистических условиях, что наша фабрика есть предприятие социалистическое в полном смысле этого слова, то это будет неправда, прикрашивание правды. (Шум.) Вам это кажется правильным? Товарищи, я буду чрезвычайно рад, если после многих констатированных пунктов расхождения мы найдем пункты схождения. Не по всем же пунктам нам расходиться! Это будет очень хорошо, одним разногласием будет меньше.

Но вот т. Бухарин говорил вам: идут новые слои рабочего класса, и вот этим слоям рабочего класса мы-де должны дать ответ, что же это такое — социалистическое предприятие или несоциалистическое? Я думаю, товарищи, что этот ответ мы должны были давать и старым рабочим, должны будем давать и новым рабочим. Незачем ссылаться при постановке вопроса о госкапитализме на то, что вот потому поставлен вопрос, что пришел новый рабочий, и мы должны сказать ему что-то новое. А старым рабочим что мы говорили? (Голоса с мест: „Старые знают, а новые не знают".) Это легкое объяснение спора, — что старые знают, и им говорить нечего, а новые не знают, и им нужно сказать что-то новое. Когда вы проводили кампанию производительности труда в прошлом году, вы должны были старым рабочим что-то говорить. (Голоса: „Правильно!") Очень жаль, что тогда не вышел т. Бухарин, когда т. Дзержинский полтора года тому назад поставил этот вопрос, и не сказал: позвольте, еще не выяснен вопрос о госкапитализме, а вы хотите поднимать производительность труда! И почему об этом вспомнили через полтора года, когда будто бы понадобилось новое теоретическое обоснование для того, чтобы поднимать производительность труда? Всякому рабочему — новому, старому, работающему и будущему — мы должны сказать правду. Но всякий, кто пытается пойти дальше, всякий, кто попытается замазать... (Голос с места: „А участие в прибылях?") Товарищи, надо как-нибудь связно говорить. Не могу же я, если т. Мандельштам интересуется прибылями, переходить сейчас же на вопрос о прибылях. Так вот, если кто-либо скажет, что эти фабрики принадлежат государству, что в смысле отношения собственности они являются фабриками „последовательно-социалистического типа", он будет абсолютно прав. Но если кто-либо ради того, чтобы повысить производительность труда, попробует пойти хотя бы на один шаг дальше и сказать, что эти фабрики являются подлинно-социалистическими предприятиями... (Моисеенко с места: „Где это было? Неужели мы жизни не знаем? Что, мы слепые?") Говорит это вся школа, вся линия, которая сейчас подняла шум. (Голос с места: „Это воображение ваше!". Шум.)

Очень хорошо, товарищи, превосходно. Итак, мы согласны с вами, товарищи, написать в резолюции — нужно же стремиться к какой-нибудь практической цели! — мы безусловно согласны написать в резолюции, что наши предприятия являются предприятиями „последовательно-социалистического типа", поскольку они

являются собственностью рабочего государства, но тут же написать, что всякое прикрашивание обстановки, которое заключается в том, будто эти предприятия являются социалистическими по характеру отношений в них, — всякое такое прикрашивание было бы неправильно и съездом осуждается. (Голос с места: „А кто прикрашивает?“. Моисеенко с места: „Тов. Каменев, вы говорили о документах, — кто прикрашивает?“) Итак, товарищи, мы согласны с вами написать эту резолюцию. (Шум. Моисеенко с места: „Мы согласны с этим, но в резолюции не напишем, не нужно“.) Вы пытаетесь, товарищ, заменить собою съезд. Сначала вы говорите, что это ясно, как дважды два — четыре. Я тогда предлагаю, давайте напишем это в резолюции съезда. (Голос с места: „Зачем?“) Затем, что это — правда. И тогда оказывается, что вы эту правду внести в резолюцию съезда отказываетесь. Так-то, т. Моисеенко!

Правильное понимание нашей госпромышленности заключается в том, что наши предприятия действительно „последовательно-социалистического типа“, ибо они являются собственностью рабочего государства, но они далеко не являются законченными социалистическими предприятиями, потому что отношение людей, организация труда, формы выплаты заработной платы, работа на рынок не делают их еще элементами развернутого социалистического хозяйства. (Голос с места: „Америку открыли“.) По отношениям собственности они — социалистичны, по отношениям людей — еще нет.

Если это товарищам кажется правильным, то давайте прекратим разговоры о том, что есть какие-то люди, которые не хотят признать социалистический характер нашей промышленности и объявляют ее госкапиталистической. (Шум.) Позвольте, вы заявили аплодисментами, что поддерживаете т. Бухарина, вы поддерживаете „Правду“, в которой изо дня в день с энергией, достойной лучшего применения, говорят, что Каменев и Зиновьев (в постановлении Московского Комитета они названы по имени) отошли от ленинизма, что они не понимают и не хотят признать социалистический характер нашей промышленности, — верно все это? Верно! Я вот вам и говорю, как мы понимаем социалистический характер нашей промышленности. Вы говорите, что это общепризнано. Вы с этим согласны. Хорошо! Примите тогда резолюцию и скажите от имени съезда, что Стецкий, Марецкий, Зайцев и другие сотрудники „Правды“, пытаясь обвинить Зиновьева и Каменева в том, что они не понимают характера нашей про-

мышленности, наклеветали на них. Согласны? Нет? Ну, тогда я тоже несогласен. (Аплодисменты.)

Этот вопрос относится к линии прикрашивания нэпа. Я повторяю, что это очень опасное течение,— все эти элементы складывающейся теории прикрашивания нэпа, потому что скрывание тех элементов капиталистических отношений, которые охватывают и нашу фабрику, и наш завод, и жизнь нашего рабочего,— скрывание этих капиталистических элементов есть прикрашивание нэпа, по нашему мнению, вредное и ненужное даже для тех практических целей объяснения молодым рабочим, о которых говорил т. Бухарин.

10. О гражданском мире и классовой борьбе.

К следующему элементу прикрашивания нэпа относится та игра, которая здесь устраивается вокруг лозунга гражданского мира. Ведь т. Бухарин вроде того, что обвинял нас в том, что мы не понимаем значения и важности лозунга гражданского мира. Конечно, это у него в его „плане“ укладывается: раз мы стоим за срывание нэпа, раз мы ставим ставку только на бедняка, раз мы в городе ставим ее на пришедшего в промышленность сырого рабочего, который не может смотреть спокойно на витрины магазинов, раз наша идеология отражает настроения бедняка, пришедшего работать в город, того сырого рабочего, которому хочется погромить нэпмановские магазины,— раз все это так, с этим, конечно, увязывается то, что мы должны быть против гражданского мира и, видимо, за гражданскую войну.

Но, товарищи, что такое гражданская война, противопоставленная гражданскому миру? Гражданская война есть самая острая форма классовой борьбы, направленной против существующей власти. Конечно, Ильич был тысячу раз прав, когда он говорил: тот, кто не понимает, что после того, как мы пришли к власти и у власти сидим, мы против гражданской войны, потому что гражданская война есть война против нашей власти,— кто этого не понимает, тот хуже, чем слепой,— тот просто дурак. (Голос с места. А кто проповедует гражданскую войну?) Мы, оказывается. (Голос с места. Следовательно?..) Следовательно, надо признать одно из двух: или то, что вы, товарищи, держали во главе некоторых учреждений круглых дураков, которые даже того не могут сообразить, что гражданская война хороша, когда мы ее ведем против буржуазии, но гражданская война плоха, когда буржуазия ведет ее против пролетариата... Или же в резолюции съезда,

которая будет длинной, должна быть такая главка: „опровергнутые клеветы“. И вот в этой главке должно быть поставлено, что Каменев и Зиновьев понимают, что гражданская война пролетариата против буржуазии, это хорошо, а гражданская война буржуазии против пролетариата, когда мы у власти,— это нехорошо, и что тот, кто приписывает нам непонимание этого, клевету разводит. А ведь нам суют это. (Голос с места. Кто?) Бу-ха-рин. Не слышали? (Голос с места. Слышали.) Товарищи, одно дело, когда т.т. Бухарин, Иванов, Сидоров или другой на заседании небольшой коллегии обсуждают те или иные практические вопросы и, употребляя полемический прием, говорят, что ты-де не понимаешь значения гражданского мира, и другое дело, когда это делается изо дня в день на страницах центрального органа, когда здесь в речах представителей большинства Центрального Комитета указывается на громаднейшее упущение, на то, что мы не понимаем значения смены революционных методов реформистскими методами, смены эпохи гражданской войны гражданским миром. Тогда уже совсем другое дело. И вы, считая, что это обвинение неправильное, должны будете дать указания центральному органу нашему в лице его редактора, чтобы он неправильных обвинений, огульных наветов не позволял печатать в центральном органе.

Но, товарищи, что кроется под этим вопросом о гражданском мире? Надо вам прямо сказать: я опасаюсь, что это не есть просто литературный прием, что это не есть простая литературная полемика. Мы здесь собрались не для того, чтобы спорить как литераторы, чтобы обменяться мнениями. Нужно помнить о том, что нас слушает весь народ, не только партия. Нас слушают и за границей. (Голос: „Не только слушают, но и пишут“.) И слушают, и пишут. Вот, товарищи, что же они слушают и что пишут? Они пишут, они говорят, они думают, они согласно этому направляют свою политику,— что в РКП (большевиков) появилось возглавляемое председателем Коминтерна и человеком, которому было поручено общее руководство нашим хозяйством, течение, отвергающее всю постройку социализма, течение, которое сама партия называет пораженчеством, течение, которое переносит в нашу партию методы меньшевизма, аксельродовщины. Вот, товарищи, о чем они пишут. Я не думаю, чтобы большинство Центрального Комитета поступило государственно разумно, опубликовав известную вам резолюцию Московского Комитета. Я этого не думаю. Я думаю, наоборот, что ленинградская организация, которая приняла свою декларацию, как выражение общего мнения органи-

зации, которая была предварительно одобрена всеми членами Центрального Комитета, что она поступила государственно правильно. Съезд должен исправить ошибку руководителей московской конференции, съезд не может сказать, что московская конференция была права (голос: „Права!“), что пораженчество есть (голоса: „Есть!“), и что тут нужно подтвердить это. Тот, кто говорит: „права“, тот берет на себя ответственность, — ответственность сказать это перед партией, перед всем международным пролетариатом и перед всей международной буржуазией. (Голоса: „Зачем—буржуазией?“) Вы думаете, наплевать на буржуазию и на то, как она расценивает силу нашей партии?

Товарищи, каждый из нас понесет ту ответственность, которую на него возложат партия и история. Это само собой разумеется. Но мы хотим нести ответственность после того, как мы выскажем партии все наши сомнения. После того, а не до того.

Продолжаю. Когда нам навязывают непонимание лозунга гражданского мира, то под этим скрывается то же прикрашивание нэпа, прикрашивание классовой борьбы при нэпе. Мы спрашиваем: есть ли в нашей стране в новых формах классовая борьба? (Голоса: „Есть“.) Идем ли мы к социализму через новые формы классовой борьбы?

Не есть ли вопрос о ценах, вопрос о бюджете, вопрос о кредите, вопрос о хлебозаготовках — элементы классовой борьбы? (Моисеенко: „Об этом т. Сталин сказал в „Вопросах и ответах“.) Я думаю, что не только тов. Сталин в „Вопросах и ответах“ сказал, но, по крайней мере, годика за четыре, за пять сказал это Ленин. (Моисеенко: „Это и Ленин сказал“.)

Так вот, товарищи, я утверждаю, что то новое течение, которое в нашей партии нарождается, которое, к сожалению, не встречает достаточного отпора, которое уже прославило себя такими лозунгами, как „обогащайтесь“, такими заявлениями, как то, что середняк — не буржуа, такой политикой, что наем и аренда есть уступка не кулаку, а бедняку, что эта самая теория, что это самое новое учение скрашивает, прикрашивает классовую борьбу, проповедуя неправильные взгляды о мирном врастании кулака в социализм и о том, что внук этого самого кулака будет нам благодарен за то, что мы хорошо обходимся с его дедушкой.

Товарищи, я не думаю, чтобы все эти опасности и тенденции, которые, по-моему, совершенно ясны, — чтобы эти опасности и тенденции без предварительного обсуждения в партии, без предва-

рительного сопоставления разных точек зрения на ваших конференциях, в ваших организациях и т. д. были сразу всем ясны. Нет, товарищи, я не надеюсь на то,— ведь вы понимаете очень хорошо,— я не надеюсь на то, что вы после моей речи голоснете иначе, чем вы решили голосовать до моей речи. (Смех.) Я это знаю очень хорошо.

Следовательно, я надеюсь только на одно, что то, что я говорю, верно изображает классовые соотношения в стране и тенденции их развития, и что, когда эти тенденции проявятся более ярко, вы должны будете сказать: эти предупреждения были сделаны, и они были верны.

11. Проверка разногласий на практике.

Я обращаюсь сейчас вот от этих сопоставлений тенденций, теорий к вопросу о том: ну, а как в нашей практике, в нашей живой практической работе того строительства социализма, который мы ведем, какие опасности выяснились — выяснилась ли опасность срыва нэпа, или выяснилось возросшее сопротивление капиталистических элементов, которое заставляет нас с особым вниманием отнестись к делу усиления роста социалистических элементов, и которое заставляет нас бить тревогу, что ежели мы в деле поддержания роста социалистических элементов будем отставать, то мы можем очень и очень сорваться в очень и очень важных вопросах?

Тов. Бухарин говорил, что он попытается в своей речи связать вот эти теоретические вопросы с вопросами практики. Ну, я очень внимательно слушал и, к сожалению, этой связи не нашел. Он связал свой доклад с цитатами из книжек, дал нам расширенную рецензию на книжку Зиновьева, — надо было напечатать ее две недели назад, это было бы лучше, — но именно связи этих проблем с практикой нашего хозяйственного строительства мы у него не видели. И то, что меня больше всего смущает в этой нашей полемике, так это то, что я вижу громаднейшие листы „Правды“, где есть вопросы о госкапитализме, о середняке, о направлении дальнейшего нашего развития, о характере того сопротивления, которое деревня оказывает нашим социалистическим планам, — и при этом ну хотя бы малейший учет практического опыта, ну хоть бы рядом с цитатами несколько цифр. Нет этого. (Голос с места: „14% и 61%“.)

Так вот, товарищи, я спрашиваю себя: как же связать вот эти споры с вопросами нашей практики, как проиллюстрировать вот эти расходящиеся линии на том, что мы действительно имеем в деревне?

Что же мы имеем? Мы имеем, на мой взгляд, так сказать, в краткой формуле, вот что: мы попытались в этом году урегулировать результаты хорошего урожая, который был налицо. Что получилось? Получилось то, что не мы „регульнули" мужика в этом году, а мужичок „регульнул" нас.

Вот, товарищи, если вы этого основного факта, этого основного факта классовых соотношений не хотите видеть, или если вы думаете, что он не имеет никакого отношения к вопросу о том, куда должен быть направлен „огонь", не имеет никакого отношения к оценке нэпа, тогда я действительно глубоко расхожусь с вами. Но, по-моему, это величайшим образом связано одно с другим.

Опыт последнего полугодия заключается в том, что наши планы разворачивания социалистических элементов нашего хозяйства были переделаны под давлением деревни. (Голос с места: „Которую вы не учли".) Да, да, эти планы были переделаны в определенном направлении. Мы открыли хозяйственный год планом хлебозаготовок в 780.000.000 пудов. Сейчас, после опыта первых месяцев, мы стоим перед тем фактом, что колеблемся, удастся ли нам получить 600.000.000 пудов. На 200 миллионов пудов нас поправили.

Мы имели в виду, оперируя этим хлебом, полученным от крестьянства, дать темп развития социалистических элементов, которые измеряются тем, что мы хотели вложить больше миллиарда новых капиталов для нового строительства и капитального оборудования и таким образом тот утес городской промышленности, который должен помочь реорганизовать мелкобуржуазное хозяйство, сдвинуть вперед. Мы стоим теперь перед моментом, когда мы сомневаемся, сможем ли мы в это дело двинуть не только миллиард сто миллионов, как раньше предполагалось, не только 900 миллионов, как потом предполагалось, не только 800 миллионов, как теперь предполагается, но мы не знаем, сможем ли мы двинуть в это дело даже 700 миллионов. Весь темп развертывания социалистических элементов нашей промышленности пришлось свернуть. Почему? Может быть, потому, что Каменев и Зиновьев преподносят срыв нэпа? Может быть, потому, что Сафаров и Саркис

вдруг стали аксельродовцами? Может быть, потому, что мы преуменьшили значение середняка? Поэтому? Нет, товарищи, не поэтому. (Голос с места: „Вы просчитались!") Тут дело, товарищи, не в просчете, о просчете мы поговорим потом. (Голос с места: „В просчете тоже".) Тут дело в том, что сказали все мы в тех тезисах, которые были приняты единогласно Центральным Комитетом нашей партии. Отрывок из этих моих тезисов я вам прочту.

„Некоторый рост расслоения деревни и в этом году несомненен. Неизбежно при этом и то, что в руках сравнительно незначительной группы крестьянства сосредоточивается сравнительно большее по сравнению с прошлыми годами количество хлеба, и что соответственно усиливается экономическое влияние этой группы. Опираясь на это, кулацкая верхушка получает сравнительно с прошлым бо́льшую возможность влиять в отрицательном, конечно, смысле на ход выполнения общегосударственных планов и пытается использовать подъем производительных сил в деревне в капиталистическом направлении".

Мы можем спорить о силе этого кулака, будем говорить одни — столько-то процентов, другие — столько-то процентов, будем спорить о количестве середняка и о размерах бедноты. Мы можем попасть в положение неудобное, когда оказывается, что цифры ЦСУ, сначала данные, как единственно существующие, потом приходится менять. Нехорошо это, правильно, но вопрос о соотношении классов, вопрос о том, кто в данных условиях направил нашу экономику в ту или другую сторону, от этого не изменится. И ЦК в этих тезисах, которые были приняты единогласно, на которых мы сошлись после того, как у меня было сказано несколько более резко, этот вопрос решает. Нельзя закрыть глаза на то, что история нашего хозяйствования в этом году доказала рост сопротивления крестьянства нашим планам, на то, что я был прав, когда с самого начала сказал, что цифры Госплана — оптимистические цифры, что я был прав, когда затем на пленуме ЦК сформулировал положение таким образом, что крестьянство держит нас за руки в деле восстановления и расширения нашей промышленности, что я был вынужден данной конкретной обстановкой сказать в СТО: „теперь должен быть реже шаг"; когда это есть результат отчасти и нашей политики, когда мы уже пошли на это, может быть, не отдавая себе целиком отчета в этом, когда мы пошли на это, сделав

чрезвычайно легким налог, устранив всякое административное принуждение, дав крестьянству возможность действительно свободно располагать этими элементами своего хозяйства, — вот, когда мы имеем такой результат, я спрашиваю себя: что это за ситуация?

Дают лозунг: огонь по тем, которые предупреждают этот рост крестьянского сопротивления, рост кулацкой опасности! Огонь по этим, в этом „оптимизм"! Когда мы стоим перед фактом, что нас крестьянство в этом году довольно твердой рукой держало и удержало в деле разворачивания подлинно-социалистических элементов,—в этот момент лозунг: огонь по тем, кто указывает на эту опасность, сосредоточенный огонь по тем, кто указывает на рост этого сопротивления! Это — тот лозунг, который вытекает из объективной ситуации? Нет! Я утверждаю, это неправильная ориентировка; тут не связаны не только теоретические предпосылки, о которых говорилось, но тут практический хозяйственный опыт, который мы имеем, не принят во внимание. Этот опыт указывает на то, что это неправильная ориентировка. А оптимизм заключается не в том, будто кулака нет, его мало, а если он есть, то он врастает в социализм. Да, во-первых, говорят, что его нет, во-вторых, говорят, его мало, и в-третьих, — он тихонько врастает в социализм. Вот какая „теория"!

Я боюсь сейчас касаться какой бы то ни было цифры! Мне достаточно прикоснуться к цифре, чтобы потом эта цифра была „опровергнута"!. Это не потому, что сами по себе цифры плохи, а потому, что цифры втянуты в политическую борьбу. Но есть один авторитет, на который я могу положиться, как на каменную гору,—это цифры, которые не будут опровергнуты, цифры т. Молотова, председателя крестьянской комиссии ЦК. Он не страдает ни одним из тех пороков, которыми мы страдаем: ни маловерием, ни пессимизмом, ни паникерством. И вот в последнем докладе, недели две назад, он сказал, что у нас в деревне от 40 до 45% бедняков. Как его тут не обвинят в недооценке середняка, как не скажут, что он съел середняка, — я не знаю. Итак, у нас 40—45% бедняков. Впредь до разъяснения ЦКК я буду придерживаться определенного мнения о том, что такое бедняк, и когда ЦКК скажет иначе, я буду думать иначе. (Смех.) ЦКК уже сказала, как нужно и сколько нужно считать кулаков, середняков и т. д. (Смех. Голоса с мест: „Это неплохо".)

Напротив, очень хорошо. Теперь, по крайней мере, сказано — сколько, как и что. Теперь будет спокойнее. Так вот, до сих пор я думал так, что бедняк это тот, который не в силах сводить

концы с концами в своем хозяйстве. Так вот, я спрашиваю: неужели эти 40—45% бедняцкого населения деревни держали нас за руки, заставили нас сократить наши планы? Нет, конечно, не они, а другие слои деревни. При желании это нетрудно понять.

В начале года, в июле, когда составлялись наши планы, мы проявили слишком много оптимизма. Тогда, в июле, мы решили: столько-то миллиардов пудов хлеба по такой-то цене — около рубля — поэтому в общих чертах сверхмиллиардный вывоз и около миллиарда ввоз; поэтому хозяйственный заем на промышленность и прекращение товарного голода в январе — феврале.

(Демьян Бедный. Кто это сказал?) Кто сказал? Сказал СТО. Демьян думает, что я этим себя зарезал. Если дело дошло до этого, то я должен сказать, что я, конечно, несу всю ответственность за эти оптимистические цифры и оптимистический план, но только пусть уже товарищи знают, что я тогда не присутствовал ни на заседаниях СТО, ни на заседаниях Политбюро. Я заявляю больше: в июле, по всей вероятности, вместе со всеми остальными членами нашего правительства и нашего политического центра я предполагал бы, что мы столько-то хлеба заготовим, столько-то вывезем по такой-то цене, ввезем машины, вложим их в промышленность и развернемся так широко, как всем нам тогда казалось. Но я повторяю, что меня в это время не было, и я должен нести только тех собак, которых несут все вместе, и никаких дополнительных собак за это я нести не должен и не собираюсь. (Аплодисменты.)

Из нашего хозяйственного положения равным образом ни в какой мере не вытекает, что у нас дело идет к срыву нэпа,— дело идет к использованию нэпа некоторыми слоями крестьянства в очень сильной мере в направлении сопротивления нашим планам. С другой стороны, ни в какой мере наличное соотношение классов и момент, в котором находится наше социалистическое строительство, ни в какой мере все это не оправдывает установки той цели для нашего огня, которую здесь в качестве политической директивы наметил т. Сталин.

12. Неизбежны ли разногласия?

Теперь спрашивается: эти перемещения и эти постоянные замены и поправки в плане, которые мы должны вносить, каждый из нас и все мы вместе, к планам, нами самими утвержденным,— могут быть они устранены, или они являются неизбежными? Для того, чтобы не прослыть легкомысленным оптимистом, не рисовать

перед вами слишком розовых картин, я должен сказать, что ошибки, поправки, изменения и связанные со всем этим практически разногласия неизбежны. Тов. Сталин сказал, и был тут совершенно прав, что у нас страна, в которой до сих пор товарная продукция в большей степени находится в руках мелких распыленных крестьянских хозяйств, кустарных и ремесленных, чем в руках государственной промышленности. Как бы скептически ни относились мы к цифрам Госплана относительно того, что 11 с половиной миллиардов капитальных фондов находятся в руках государства, а 7 с половиной миллиардов — в руках мелких, распыленных ремесленных крестьянских хозяйств, мы должны будем признать, что 7 с половиной миллиардов капитала у частных мелких хозяйств,— сравнительно большой удельный вес продукции — хочет иметь свой голос. Этого избежать мы не можем. Те, которые держат сейчас в своих руках большее количество нашей продукции, те, которые в своих руках держат 7,5 миллиардов капиталов против наших 11 миллиардов,— как бы они ни были распылены, они хотят иметь свой голос, и они ищут проявления своей тенденции там, где можно, ибо своих собственных политических каналов не имеют. Вы должны отдать себе отчет, что давление этих масс чрезвычайно сильно, а наше государство и наша диктатура запирают этот котел тоже чрезвычайно сильно, и когда здесь открывается малейшая щелочка, то весь напор этой враждебной нам идеологии, вся сумма голосов этого большинства населения и большинства держащих в своих руках большую массу продукции,— они в эту малюсенькую щелочку давят со всей силой, которую имеет класс. И если мы еще не отступили от ленинизма и в том пункте, что наш Союз — это союз двух классов под руководством пролетариата, то мы должны понять, что самая маленькая щелочка в нашей идеологии, в нашей организационной и политической практике служит той отдушиной, куда направлены все сжатые диктатурой пролетариата тенденции этой мелкобуржуазной стихии.

Поэтому вопрос о наметившихся тенденциях приобретает такое значение, поэтому по этим небольшим намекам мы должны судить о тех более серьезных тенденциях, которые кипят в этом огромном мелкобуржуазном котле.

Что же, вы хотите, чтобы мы дожили до того, когда совершенно ясно выкристаллизуется психология, идеология того кре-

стьянства, которое не хочет давать нам хлеб в том размере, который нам нужен для развития социализма, не хочет давать хлеб по той цене, по которой нам, как рабочему государству, было бы выгодно, да и им в конце концов было бы выгодно, только в конце концов, в конечном счете? Что же, вы хотите, чтобы это давление на страницах „Правды" или на страницах „Большевика" получило развернутую идеологию? Но этого мы никогда не получим. Что же, вы хотите, чтобы договорились до конца тенденции этой массы? Этого никогда не будет, это было бы опровержением диктатуры пролетариата. И поэтому те силы, которые кипят в котле и которые противопоставлены нашему социалистическому строительству, они в этих щелочках, в этих отступлениях, в этих элементах новой теории и новой линии, в этих красных профессорах, которые преподносят формулы: „середняк — не буржуа", в этих криках: „не сорвите нэп", — во всем этом слышится, чувствуется давление мелкобуржуазной стихии, не имеющей собственной трибуны. Кто это сейчас дрожит за нэп? Тот дрожит за нэп, тот боится за то, что Каменев и Зиновьев сорвут нэп, которые не давали хлеба, не дали в этом году развернуть промышленность, которые в следующем году попытаются сделать то же самое. А вслед за ними говорите: бога ради, не замай нэп. Да разве на нэп кто-нибудь покушается? Да, нэп сейчас используем мы, потому что промышленность развивается. Но его используют и против нас, и в этот момент открывать огонь по тем, которые говорят, что капиталистические элементы растут, что эти капиталистические элементы повышают свою сопротивляемость нашим общегосударственным планам, — это неправильная ориентировка.

Вы не подумаете, что я сошел с ума и предлагаю перейти к системе комбедов. И весь мой опыт и вся практика моей хозяйственной работы приводят меня к тому, что я не предложу: давайте устроим раскулачивание деревни. Я говорю только, что линия должна быть взята правильно, что нельзя партию по общим вопросам ориентировать в ту сторону, в какую хочет ориентировать т. Сталин: огонь должен быть открыт не по тому уклону, о котором говорил т. Сталин; неправильно взят прицел, и, паля по этому прицелу, мы делаем не то, что нужно делать, не только по цитатам из Ленина, но и по той хозяйственной обстановке, которая у нас есть.

13. Как изживать разногласия?

Вопрос заключается в том, можем ли мы допустить спор о направлении огня, насколько повернуть этот огонь, какие из этого идейного огня получатся практические выводы, мероприятия и декреты? Эти споры будут в нашей партии. Мы должны будем допустить в нашей партии в известных пределах отражение того, что кипит в нашем котле, потому что если бы совсем это отрезали, мы стали бы хуже слышать, что делается в стране. Не нужно бить в лоб, эту тактику мы давно бросили: бить в лоб против этой тенденции никто не предлагает, а правильно манипулировать и давать правильную линию нашему огню мы должны.

Но как же это сделать? Можно ли изжить эти неизбежные разногласия, эти неизбежные колебания, уклоны? Я убежден: их можно изжить в партии, их должно изживать в партии. Но для того, что бы это сделать, нельзя давать перерастать этим идейным разногласиям в организационную драку. И вот в этом заключается тот последний вопрос, о котором я сейчас хочу сказать, и что съезд должен будет решить.

14. Политические споры и организационные меры.

Товарищи, если в штабе ленинцев в этой сложной обстановке всякие разногласия будут сопровождаться немедленно организационными мерами, если после каждого высказанного мнения будут собираться силы не для того, чтобы его оспорить, а для того, чтобы подорвать авторитет и дискредитировать товарищей, которые высказали это мнение, если товарищи в партии, которые попытаются поднять голос в защиту этого мнения, хотя бы о 14 и 61%, будут делать это с трепетом, ожидая за это организационной кары, тогда мы не сможем избежать того, чтобы идейные разногласия не перерастали в организационную драку. Можно ли, товарищи, спорить, спрашиваю я вас, о 14 и 61%, оставаясь не только в одном Центральном Комитете, но и оставаясь идейными единомышленниками? Да! Возможен ли был бы при Ильиче спор о том, правильны или неправильны статистические цифры, и чтобы Ильич употребил эти неправильные цифры для дискредитирования товарищей, для подрыва их авторитета, для того, чтобы доказать всем рабочим, что эти цифры есть политическая ошибка? Допустимо ли было бы при Ильиче, если бы кто-нибудь в организации или в литературе выступил и сказал, что эта цифра

правильна, чтобы он ожидал, что за этим последует организационная кара?

Если такой режим в партии будет продолжаться, я вижу громадную опасность, что эти идейные разногласия не смогут действительно уживаться в недрах единого Центрального Комитета. И вот против этого единственные гарантии — те, о которых я говорил. Я спрашиваю: скажите мне, может ли ЦК стать на линию Бухарина, согласен ли ЦК с линией Бухарина? Я утверждаю, что нет в ЦК и не было до последнего заседания, о котором я знал, человека, который встал бы и сказал: лозунги, даваемые т. Бухариным, толкование государственного капитализма, даваемое т. Бухариным, толкование середняка, даваемое школой Бухарина, толкование общей опасности, будто бы стоящей перед партией, в смысле срыва нэпа,— о чем кричит Бухарин, — все это правильно. Такого человека в ЦК не было, официальная линия партии с позицией Бухарина в этих важнейших вопросах расходилась, а отпора бухаринской линии не было. Я спрашиваю: почему? Вы хотите сказать, что мы были против ЦК. Нет, это не верно. Мы уверены, что громадное большинство ЦК с этой идейной линией не согласно. Мы думаем, что Политбюро с этой линией не согласно, — иначе зачем же было заставить Бухарина, правда, через 6 месяцев, правда, в детской форме, отречься от этой формулы „обогащайтесь"? Я думаю, что и наш генеральный секретарь целиком и полностью эту линию поддержать не сможет. А между тем эту линию невозможно было опровергать до последнего момента.

И сейчас съезд не требует еще, чтобы были оглашены эти запрещенные статьи, из которых он узнает, о чем мы спорили два-три месяца тому назад, и что было признано нелегальным для помещения в печати за подписями Зиновьева, Крупской и моей. Неужели вам неинтересно, о чем мы спорили и предупреждали, неужели вы не спросите, почему лозунг, который был признан неправильным, свободно гулял шесть месяцев?

Неужели потому, что вы согласны, что мы хотели травить Бухарчика? (Голос: „Никто этого лозунга не принимал".) Никто не принимал из членов Центрального Комитета. (Ворошилов. Каменев молчал, как и все другие). Нет, т. Ворошилов, давайте говорить правду. На следующий день после появления статьи Бухарина была предложена статья Крупской с опровержением этого, и мы вдвоем с Зиновьевым голосовали за напечатание, а все остальные были против. А вы говорите, что я молчал.

Итак, товарищи, я спрашиваю себя: есть ли сползание с ленинской линии в партии? Я уверен, не было и нет. Есть ли сползание с ленинской линии на бухаринскую линию в Центральном Комитете в целом? Нет. А вот есть ли сползание в нашем идейном аппарате, в „Правде", в школе бухаринских учеников, пропагандистов и т. д., которые, не встречая серьезного отпора со стороны ЦК, наоборот, пользуясь прикрытием со стороны известной группы ЦК, распоясались и ведут эту зловредную агитацию, зловредную ревизию ленинизма? Да, это есть. Мы не хотим, чтобы партия этим заразилась. И мы надеемся, хотя нас 60 человек, это предотвратить, мы знаем, что речи для большевиков не ломают ситуацию, а убеждают нас только факты. Но мы хотели бы, чтобы вы сказали: „Да, Зиновьев и Каменев плохие люди, они делали то-то и то-то, но линия, которую предлагает взять партии тов. Бухарин, — неправильна. Она опасна, она ведет не туда, и группа членов ЦК, во главе с генеральным секретарем ЦК, которая, не веря в эту линию, до последнего времени прикрывала ее, выполняла не ту роль, которую предписывал руководителям партии тов. Ленин.

Вы нас, сигнализаторов, можете объявить ликвидаторами. Вы можете против нас, сигнализаторов, направить огонь. Я не считаю разумной политикой огонь по сигнализаторам, но мы должны вам сказать, что с того момента, когда вы откроете вслед за т. Сталиным огонь по сигнализаторам, конечно, вы после этого должны сказать, что вы берете на себя всю и полную ответственность и за идейную и за политическую государственную линию нашей партии. (Шум.)

Теперь я хочу ответить самым кратким, катехизическим образом на те вопросы, которые перед нами стоят.

Вы хотите, чтобы мы в резолюции съезда были охарактеризованы так, как, приблизительно, мы охарактеризованы московской резолюцией. Это ваше право. У вас большинство, и вы это можете сделать. Но наше право, право меньшинства, сказать самым точным образом, что̀ мы действительно думаем. Этот съезд не первый и не последний; мы боремся не первый год и, надеюсь, не последний, если не помрем. Поэтому пускай следующий съезд вспомнит, какие ответы мы давали на те вопросы, которые перед нами стоят.

1. **Какой у нас строй?** Переходный. Не капиталистический, не социалистический, а переходный — от капитализма к социализму, пока еще с преобладанием продукции мелкого и частного хозяйства над продукцией государственной промышленности.

2. **Каков характер наших предприятий?** Наши фабрики и заводы являются предприятиями „последовательно-социалистического типа“, но они отнюдь не представляют собою осуществления социализма, даже на них нет еще осуществления социалистических отношений.

3. **Возможно ли при нэпе наступление?** Ради наступления более планомерного и более победоносного создан был сам нэп. На 5-м году ставить вопрос о том, возможно ли при нэпе наступление, глупо. Дело не в том, что оно **возможно, а оно ведется и с каждым днем растет.**

4. **Растет ли кулак? Да, растет.** Усиливается его сопротивление? Усиливается экономически и политически.

5. Является ли **середняк** центральной фигурой? Да, является **центральной фигурой земледелия, но не центральной фигурой социализма.** Центральной фигурой социализма является рабочий класс, а центральной фигурой земледелия является середняк.

6. Является ли середняцкое хозяйство мелкобуржуазным по типу? Да, является. Так же, как наши фабрики и заводы являются „последовательно-социалистическими по типу“, так по типу мелкобуржуазным, вопреки тому, что думает „Правда“, является наше середняцкое хозяйство.

7. Есть ли у нас сотрудничество между социалистическими по типу предприятиями и мелкобуржуазным по типу хозяйством? Есть. Наш строй основан на сотрудничестве этих двух типов хозяйств. Это — сотрудничество государственно-социалистических форм и мелкобуржуазных форм.

8. Является ли правильным положение Ильича о сравнительной прогрессивности государственно-капиталистических форм сравнительно с мелкобуржуазной распыленной стихией? Да, является прогрессивным.

9. **Нужен ли нам союз рабочего класса и крестьянства, и нельзя ли его заменить нейтрализацией?** Нейтрализация, это — такое положение, когда мы говорили бы крестьянину: я тебя не трогаю, и ты меня не трожь. Кто вышел бы и сказал: я собираюсь строить социализм на основе того, что город не замай деревню, и деревня не замай город, — тот был бы

круглым идиотом. Вопрос о нейтрализации можно привести только для полемических целей. Мы стоим за союз пролетариата с основной массой крестьянства, за союз городского пролетариата и бедноты с середняком и отбрасываем с насмешкой всякую попытку столкнуть нас на социалистическое строительство одними силами рабочего класса, при отчуждении основной массы крестьянства.

10. Для чего нужен нам этот союз? Для того, между прочим, чтобы переделать нашего союзника. Как мы думаем его переделывать? Нам надо охватить этого середняка нашими рычагами и его стихийные тенденции, влекущие его с неизбежностью на капиталистический путь, повернуть на социалистические рельсы. Эта задача стоит целиком перед нами.

В какой мере эта социалистическая задача выполнима? Она выполнима в той доле, в которой в нашей деревне присутствуют тракторы, электрификация, кооперация, государственный кредит, помощь бедняку. И вот перед нами задача — практически повернуть развивающееся стихийно по капиталистическому руслу середняцкое крестьянство на наше социалистическое русло. Это — задача, разрешение которой на 99% еще впереди.

11. Как повернуть основную крестьянскую массу на социалистический путь?

Повернуть эту массу пролетарская диктатура сможет, действуя в основном двумя основными рычагами.

Во-первых — промышленность. Но для того, чтобы промышленность могла играть роль основного рычага, для этого она должна развиваться и расцвести гораздо больше, чем сейчас. Промышленность наша не удовлетворяет крестьянства. Промышленность, которая не удовлетворяет крестьянства, не поворачивает его на социалистический путь, а, наоборот, будит в крестьянстве враждебное отношение к госпромышленности, не могущей его удовлетворить. Поэтому восстановление промышленности, это — основной рычаг, при помощи которого можно выполнить эту величайшую задачу в мире — повернуть всю основную группу крестьянства со стихийного пути капитализма на путь социализма.

Второе, это — кооперация. ЦК на этот вопрос о роли кооперации ответил в моих тезисах по хозяйственному вопросу. Да, кооперация есть столбовая дорога для крестьянства к социализму, но не голые кооперативные формы, а та кооперация, которая связана, которая бази-

руется, которая наполнена крупной машинной индустрией и электрификацией. Вот эта кооперация сможет побороть частнособственнические стремления крестьянства, придать его распыленному хозяйству подлинные социалистические формы, связать в деле социалистического строительства с рабочим классом, но мы сделали в этом направлении только первые шаги.

12. Повернем ли мы? Проделаем ли этот поворот, несмотря на отсталость нашей промышленности, несмотря на задержку мировой революции, несмотря на то, что впереди осталось сделать новую культурную революцию, которую Ильич считал предпосылкой создания строя цивилизованных кооператоров? Мы находимся на первой ступеньке этого, и тот, кто скажет вам больше, будет прикрашивать действительность, хотя на словах он может казаться чрезвычайным оптимистом. Но это именно люди со слабыми нервами, которым для того, чтобы быть оптимистами, нужно прикрашивать действительность, чтобы им дали 100% середняка, кооперацию, которая является уже социалистической, промышленность, которая является уже до конца развернутой социалистической. А мы говорим: у нас нет промышленности, которая до конца являлась бы социалистической системой, у нас нет той кооперации, которая являлась бы кооперацией, кооперирующей действительно массы населения, и которая уже была бы проникнута социалистическим духом. У нас еще нет такого положения, когда крестьянство сплошной массой было бы действительно направлено по социалистическому пути. Все эти задачи стоят еще впереди, но мы — оптимисты.

13. И на вопрос о том, выполним ли это, т.-е. построим ли социализм в этой стране, несмотря на задержку мировой революции, преодолеем ли эти сопротивления, мы отвечаем: да, и теоретически это возможно, и доказано Лениным, а практически это выполнимо в той мере, в какой будем правильно видеть все трудности и будем правильно направлять огонь по той цели, которая действительно является опасной; в той мере, в какой мы не будем позволять идейным разногласиям перерастать в организационную борьбу. (Шум.)

Вот вам ответы на поставленные здесь вопросы, которые, как правильно сказал один товарищ, являются азбучными вопросами. Но нас заставили отвечать. Никогда я не думал, что мне придется отвечать на эти азбучные вопросы: социалистична или несоциалистична промышленность и т. д. Но вы поставили нас в такое положение. Я, который в продолжение пяти лет только и

делал, что разъяснял смысл нэпа, я поставлен в такое положение, что должен оправдываться в том, хочу я сорвать нэп, или не хочу, вижу я в нэпе элементы социализма, или не вижу; я должен доказывать, верю я в то, что в нэпе может быть наступление, или не верю. Это „талантливая" постановка вопроса заставила нас так отвечать.

15. Что делать?

Перейдем к внутрипартийным вопросам. На эти вопросы я даю три ответа.

Первый касается организационных форм нашей внутрипартийной жизни. Товарищ Бухарин сказал: мы купили дискуссию с тов. Троцким ценою, как он выразился, конвульсивного сжатия внутрипартийной жизни. Хотите ли вы купить разногласие с нами тоже путем конвульсивного сжатия внутрипартийной жизни? Вы должны будете разрешить этот вопрос в том смысле, что на фоне всеобщего оживления, повышения активности всех слоев населения необходима внутрипартийная демократия, необходимо ее дальнейшее развитие. Согласно завету Ленина, она стала теперь возможной именно потому, что прекратилось деклассирование пролетариата.

В противном случае на этом фоне вы неизбежно получите новое конвульсивное сжатие внутрипартийной жизни. Это будет явлением катастрофического порядка. Я призываю вас не выбирать этого пути, а выбрать другой путь — тот путь, при котором не могло бы быть такого факта, когда о пораженцах, ликвидаторах, аксельродовцах и т. д. вы узнаете только на съезде, — когда этот факт не сваливался бы на голову партии тогда, когда партия уже сидит на съезде. *Это должно быть избегнуто. Это может быть избегнуто только тогда, если меньшинству, которое состоит не из пришлых для вас элементов, которое вы знаете до конца, если этому меньшинству будет дана возможность отстаивать свои взгляды в партии, конечно, со всею ответственностью, которая на нас возложена партией и диктатурой.*

Второе. Кроме оживления внутрипартийного обсуждения, кроме предоставления возможности меньшинству высказывать свои взгляды, как подобает большевикам, перед всей партией, в тех пределах, которые дает партийный устав и диктатура партии и пролетариата, — мне кажется, вы должны *дать отпор тому новому течению в партии, которое я пытался перед вами*

обрисовать. Я уверен, если вы найдете невозможным по тем или другим организационным соображениям сделать это сейчас, — факты жизни, ход классовой борьбы в нашей стране, рост диференциации в деревне заставят это сделать и сказать, что та школа, которая создается тов. Бухариным, эта школа зиждется на отступлении от Ленина. То, что нужно сейчас, это — лозунг: назад к Ленину! (Голос с места: „Почему назад?“) Потому, что эти пошли вперед. Товарищи, я знаю, что вы в первой части моей речи пытались повести дело на злобу. Мы видим, что дело не в злобе, и я надеюсь, что вы через несколько месяцев это скажете.

И наконец, третье. Мы против того, чтобы создавать теорию „вождя“, мы против того, чтобы делать „вождя“. Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат. (Шум.) Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда Секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предрешает политику. (Шум.) Вот, товарищи, что нужно сделать. (Голос с места: „Нужно было с этого начать“.) Это право оратора начать с того, с чего он хочет. Я не считаю, что это основной политический вопрос. Я не считаю, что этот вопрос более важен, чем вопрос о теоретической линии. Я считаю, что если бы партия приняла определенную политическую линию, ясно отмежевала себя от тех уклонов, которые сейчас поддерживает часть ЦК, то этот второй вопрос не стоял бы сейчас на очереди.

Резолюция по отчету Центрального Комитета РКП (б).

(По докладам т.т. Сталина и Молотова).

XIV съезд РКП (б) всецело одобряет политическую и организационную линию ЦК, которая обеспечила партии, рабочему классу и всей стране общий подъем народного хозяйства и укрепила позиции социализма как вовне, так и внутри страны.

Благодаря этой политике в области международной Советский Союз получил ряд новых признаний со стороны капиталистических государств, заключил с ними ряд новых торговых договоров и концессий, увеличил свой внешний товарооборот и укрепил свое международное положение.

Благодаря той же политике в области внутренней Советский Союз оказался в состоянии обеспечить твердый государственный бюджет, быстро двинуть вперед, при общем подъеме зарплаты и производительности труда, развертывание промышленности и дальнейшее развитие сельского хозяйства, доведя их продукцию почти до довоенного уровня и обеспечивая растущую роль социалистических элементов во всем народном хозяйстве.

Благодаря той же политике Советская власть упрочила союз рабочего класса с крестьянством и обеспечила пролетарское руководство в нем, подняла фактическую роль и значение кооперации, сплотила на базе социалистического строительства большие слои технической и иной интеллигенции под руководством пролетариата, укрепила сотрудничество народов Советского Союза и, при успешном проведении районирования, начала подводить материально-хозяйственный базис под области, автономные и союзные республики.

Констатируя эти успехи, съезд вместе с тем отмечает ошибки в области хлебозаготовок и внешней торговли, что вызвало угрозу нашей твердой валюте, этому необходимому условию на-

шего хозяйственного развития, и привело к пассивности торгового баланса. Одобряя решения ЦК РКП (б), принятые в начале ноября этого года, исправляющие эти ошибки, съезд поручает ЦК усилить руководство работой хозяйственных наркоматов и зорко следить за тем, чтобы такие ошибки впредь не имели места.

В новый отчетный год партия начинает свою работу в новых условиях как внешнего, так и внутреннего порядка.

В области международных отношений налицо закрепление и расширение „передышки", превратившейся в целый период так называемого мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами, несмотря на то, что противоречия между этими двумя лагерями не ослабевают, а возрастают. Это обеспечивает как возможность внутреннего строительства, так и — благодаря, в первую очередь, экономическим сношениям с заграницей — известные выгоды для ускорения этого строительства в СССР. С другой стороны, растущие связи нашего хозяйства с мировым капитализмом повышают нашу зависимость от этого последнего, что влечет за собой целый ряд новых опасностей, и чего не может не учитывать партия в своей работе по социалистическому строительству и обеспечению за нашей страной необходимой экономической самостоятельности.

Внутри капиталистических стран необходимо отметить: частичную стабилизацию капитализма и относительное укрепление политической власти буржуазии в Европе; небывало возросшую роль С.-А. С. Штатов, граничащую с их мировой финансовой гегемонией; постепенное падение роли Британской империи, как мировой державы; противоречия между побежденными и победителями в империалистской войне, противоречия в лагере самих победителей, противоречия между Соединенными Штатами Америки и Европой; подрыв всей системы империализма со стороны пробуждающихся колониальных и полуколониальных народов (Китай, Индия, Сирия, Марокко), движение которых, приняв местами форму освободительных национальных войн, достигло огромных, ранее невиданных размеров; наконец, рост — в новых формах — рабочего движения в Европе и его тесной связи с пролетариатом СССР (борьба за единство профдвижения, рабочие делегации в СССР и т. п.).

Относительная стабилизация и так наз. „замирение" Европы, под гегемонией англо-американского капитала, привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так наз. „гарантийные договоры", острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры,

прикрываемые якобы пацифистской Лигой Наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают, по сути дела, не что иное, как расстановку сил для новой войны. Против этих блоков капиталистических государств под гегемонией Англо-Америки, сопровождаемых бешеным ростом вооружений и чреватых поэтому опасностью новых войн, в том числе опасностью интервенции, вырастает сближение пролетариата передовых стран с пролетариатом СССР под лозунгом, прежде всего, борьбы за мир, борьбы против новых империалистических войн и вооруженных нападений на СССР.

Учитывая эти обстоятельства, съезд поручает ЦК руководствоваться в своей политике следующими основными положениями:

а) укреплять всемерно союз пролетариата СССР, как базу мировой революции, с западно-европейским пролетариатом и угнетенными народами, держа курс на развитие и победу международной пролетарской революции;

б) вести политику мира, которая должна стоять в центре всей внешней политики правительства и определять все его основные выступления;

в) вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял бы из себя самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний;

г) готовить по возможности экономические резервы, могущие обеспечить страну от всех и всяких случайностей как на внутреннем, так и на внешнем рынке;

д) принимать все меры по укреплению обороноспособности страны и усилению мощи Красной армии и Красного флота, морского и воздушного.

В области экономического строительства съезд исходит из того, что наша страна, — страна диктатуры пролетариата, имеет „все необходимое для построения полного социалистического общества" (Ленин). Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии. Отчетный год вполне доказал правильность

этих положений. До захвата власти в других странах со стороны пролетариата, но при несомненной поддержке, без так называемой „помощи“ со стороны иностранного капитала и в непрерывной борьбе с частным капиталом в нашей стране рабочий класс, в союзе с основной массой крестьянства, уже достиг первых серьезных успехов в социалистическом строительстве.

Истекший год был отмечен бурным ростом народного хозяйства в целом с приближением его к довоенному уровню и ростом его отдельных отраслей: промышленности, сельского хозяйства, транспорта, внешней торговли, внутренней торговли, кредитной системы и банков, государственных финансов и проч. Внутри народного хозяйства, со всем разнообразием его составных частей (натурально-крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм), резко повышается удельный вес социалистической промышленности, государственной и кооперативной торговли, национализированного кредита и других командных высот пролетарского государства.

Таким образом налицо экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма. Государственная социалистическая промышленность все более становится авангардом народного хозяйства, ведущим за собой народное хозяйство в целом.

Съезд отмечает, что эти успехи не могли быть достигнуты без активного участия широких рабочих масс в общей работе по строительству социалистической промышленности (кампания по поднятию производительности труда, производственные совещания и т. д.).

Одновременно развиваются, однако, и особые противоречия этого роста и специфические опасности и трудности, этим ростом определяемые. Сюда относятся: абсолютный рост частного капитала при относительном падении его роли, в особенности частного торгового капитала, перекидывающего свои операции на обслуживание деревни; рост кулацких хозяйств в деревне, вместе с ростом диференциации этой последней; рост новой буржуазии в городах, стремящейся хозяйственно сомкнуться с торгово-капиталистическими и кулацкими хозяйствами в их борьбе за подчинение основной массы середняцких хозяйств.

Исходя из этого, съезд поручает ЦК руководствоваться в области экономической политики следующими директивами:

а) во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капи-

талом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение, под ее руководством и при помощи кооперации, все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства;

б) обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования;

в) основываясь на решениях XIV партконференции, всемерно способствовать росту производства и товарооборота в стране;

г) использовать все ресурсы, соблюдать строжайшую экономию в расходовании государственных средств, увеличивать скорость оборота госпромышленности, торговли и кооперации для повышения темпа социалистического накопления;

д) развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и финансовыми возможностями государства;

е) всемерно содействовать развитию советской местной промышленности (район, округ, губерния, область, республика), всячески стимулируя местную инициативу в деле организации этой промышленности, рассчитанной на удовлетворение разнообразнейших потребностей населения вообще, крестьянства — в особенности;

ж) поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация, индустриализация сельского хозяйства, упорядочение дела землеустройства) и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства.

Съезд считает, что одним из необходимых условий для решения этих задач является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями „последовательно-социалистического типа“ (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические. Такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала. Съезд считает

поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма.

В области соотношений между классами съезд отмечает следующие главные явления, определяемые в своей основе хозяйственным развитием СССР: рост индустриального пролетариата, усиление кулаков в деревне, рост новой буржуазии в городе, подъем активности всех классов и групп в нашей стране. Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение, главным образом, в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями и подчинить таким образом советы своему влиянию.

Если беднота и, прежде всего, батраки являются опорой пролетариата в деревне, то середняк является и должен являться его прочным союзником. Нельзя ни на одну минуту забывать, что в результате уничтожения помещичьего землевладения и перехода помещичьих земель в руки крестьянства, в результате политики комбедов и раскулачивания в деревне, наконец, ввиду изъятия земли из товарооборота (национализация земли) середняцкие слои крестьянства чрезвычайно усилились, и что эти слои составляют теперь, несмотря на процесс диференциации, основную массу крестьянства. Не имея этой массы в качестве прочного союзника или ограничиваясь одной лишь нейтрализацией этих слоев, теперь, после упрочения пролетарской диктатуры, нельзя строить социализм. Ибо основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы, при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы. Поэтому всякая недооценка середняка, непонимание его исключительно важной роли, попытка повернуть партию от лозунга прочного союза с ним к устаревшему лозунгу его нейтрализации, „боязнь середняка", объективно приводят к подрыву пролетарской диктатуры, ибо тем самым разрывается рабоче-крестьянский блок.

Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата

и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества, в целях изоляции кулака.

Непонимание всей важности борьбы по обеим этим линиям связано с двумя уклонами от правильной партийной линии, намеченной XIV партконференцией и октябрьским пленумом ЦК.

Съезд решительно осуждает уклон, состоящий в недооценке диференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической эксплоатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплоататорских стремлений, не видящий обязательности для партии пролетариата организовывать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним.

Но в то же время съезд с такой же решительностью осуждает попытки затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму.

Съезд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. При относительно большей подготовленности партии к непосредственной борьбе с кулаком и к преодолению первого уклона, гораздо более трудную задачу представляет преодоление второго уклона, ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства. Тем более, что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы.

Съезд целиком и полностью одобряет решения XIV партконференции по крестьянскому вопросу (в том числе о расширении арендных прав, права найма рабочей силы, помощи кустарной промышленности, перехода от системы административного нажима к экономическому соревнованию и экономической борьбе, об оживлении советов и т. д.), направленные на дальнейшее улучшение политики партии по линии укрепления смычки рабочего класса с крестьянством. Съезд констатирует, что только этот поворот партийной политики, вытекающий из изменившихся отношений между классами, коренным образом улучшил положение в деревне, поднял авторитет пролетариата и его партии среди

крестьянства и создал прочную базу для широкой организаторской работы по вовлечению крестьянства в социалистическое строительство.

Одновременно съезд целиком и полностью одобряет решения октябрьского пленума ЦК о работе среди деревенской бедноты. Лишь в той мере, в какой подъем производительных сил деревни будет сопровождаться — в теперешних условиях возросшей активности всех классовых группировок — организацией маломощных крестьян и батрачества, будет обеспечено надлежащее соотношение классовых сил и руководство индустриального пролетариата. Одобряя решения ЦК о материальной помощи бедноте и об организации групп бедноты, съезд подчеркивает, что здесь не может быть и речи ни о возврате к комбедам, ни о возврате к системе нажима периода военного коммунизма, практике „раскулачивания" и т. п. Речь идет об организации деревенской бедноты, которая, с помощью партии и государственной власти, в борьбе на хозяйственном и политическом фронте (колхозы, артели, товарищества, кооперация, кресткомы, советы) должна изжить остатки иждивенческой психологии, стать на путь организованного классового отпора кулаку и превратиться в надежную опору пролетарской политики в ее борьбе за сплочение середняков вокруг пролетариата.

Съезд констатирует, что сел.-хоз. кооперация и по своей хозяйственной работе, и с точки зрения вовлечения масс, и с точки зрения правильного социалистического руководства, все еще далека от выполнения своей великой роли. Съезд вменяет в обязанность всем членам партии самым внимательным образом следить за развитием сел.-хоз. кооперации и принимать все меры, обеспечивающие ее правильный рост.

Возросшая **активность масс**, на-ряду с возросшей активностью всех классовых групп и прослоек, сама стала — на основе хозяйственного подъема — фактором первостепенной политической важности. Пролетариат и его партия, как основная руководящая общественная сила, должны использовать этот рост в целях еще большего вовлечения масс в процесс социалистического строительства на всех фронтах этого строительства и для борьбы с бюрократизмом госаппарата. В **городах** рост активности масс нашел свое выражение в оживлении городских советов, профсоюзов, рабочей кооперации и т. д. В **деревне** возросшая активность середняцких и бедняцких масс нашла свое выражение в оживлении советов и кооперации. Съезд еще раз подчеркивает, что

нельзя в настоящих условиях укреплять диктатуру пролетариата методами военного коммунизма и административного нажима; что нельзя строить кооперацию вне ее добровольчества, отчетности выборных органов перед избирателями, доверия к этим органам со стороны пайщиков; что оживление советов, рост связи их с широкими кругами трудящегося населения является необходимой предпосылкой всей дальнейшей работы партии и Советской власти.

Оживление деревенских советов и кооперации, развязывающее инициативу и активность в среде крестьянства, предполагает, с точки зрения сохранения и укрепления пролетарского руководства, оживление и сплочение, возрастание активности и усиление организаций пролетариата. Только при таком условии может быть упрочена пролетарская диктатура и обеспечено проведение правильной, с точки зрения социализма, политической линии. Отсюда, прежде всего, лозунг оживления профсоюзов, этой массовой рабочей организации, которая стремится охватить поголовно весь пролетариат. Профсоюзная демократия должна быть тем методом, который облегчит участие масс в их общей работе, расширит возможности подбора новых выдвиженцев, обновит руководящий кадр профсоюзных организаций и поможет классовому сплочению и повышению классового самосознания пролетарских масс.

Для того, чтобы должным образом провести всю эту работу по оживлению массовых организаций пролетариата и крестьянства, необходимо, чтобы и руководящая сила этих организаций, т.-е. РКП, стала во всех своих составных частях на путь последовательной внутрипартийной демократии. Съезд одобряет ноябрьское обращение пленума ЦК о внутрипартийной демократии и предлагает партийным организациям иметь в виду следующие задачи в этой области: а) поднятие активности широких партийных масс в деле обсуждения и разрешения важнейших вопросов партийной политики; б) последовательное проведение выборности руководящих партийных органов с выдвижением новых сил на руководящую работу, расширение партактива и образование новых партийных кадров на помощь старым; в) повышение квалификации партийного актива, в частности повышение его теоретического уровня; г) распространение основ ленинского учения в самых широких кругах партии.

Укрепление п а р т и и и усиление ее руководящей роли во всех областях нашей строительной работы, необходимое в теперешней сложной обстановке более, чем когда бы то ни было, предпола-

гает также и правильное регулирование состава партии. Съезд считает необходимым вести в данной области политику, направленную к поднятию качественного состава партийных организаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра. Вместе с тем, подтверждая необходимость строгого проведения установленных мер ограничения по отношению к приему в партию непролетарских элементов, съезд отвергает политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов и пролетарских организаций вообще. Съезд осуждает такие попытки, как попытки, ничего общего с ленинизмом не имеющие, отрицающие правильное соотношение между партией (авангардом класса) и классом и делающие невозможным коммунистическое руководство.

Руководящая роль партии может быть полностью обеспечена лишь при абсолютном единстве воли, сплоченности партийных рядов, сохранении и укреплении большевистской пролетарской дисциплины в партии.

Съезд одобряет политику ЦК, которая была направлена на то, чтобы не допустить открытой дискуссии с некоторыми руководителями ленинградской организации и их отдельными единомышленниками из состава ЦК, стараться изжить разногласия в порядке внутреннем и обеспечить коллективное руководство партии.

Съезд поручает ЦК вести решительную борьбу со всякими попытками подрыва единства партии, откуда бы они ни исходили и кем бы они ни возглавлялись. Съезд выражает твердую уверенность в том, что ленинградская организация станет в первые ряды борцов за сплоченность и единство нашей ленинской партии, единство, которое должно быть сохранено и укреплено во что бы то ни стало.

Съезд приветствует укрепление связи между пролетариатом Советского Союза и пролетариатом всех стран. Съезд видит в этом рост влияния Советского Союза, как базы международного рабочего движения. Съезд предлагает ЦК и впредь всемерно укреплять узы международной солидарности, под знаком которой родилась, билась за свое господство и окрепла диктатура пролетариата.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

20 коп.

